

№ 6 / 2020



Семейное и Женское

Справ

# СЕМЕЙНОЕ № 6 • 2020 И ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций от 12 сентября 2008 г. Рег. ПИ № ФС-7733088. Журнал выходит с 2003 г. Издается 1 раз в 2 месяца

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

## Главный редактор журнала:

Крашенинников П.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ

## Зам. главного редактора журнала:

Гонгало Б.М., д.ю.н., профессор;  
Михеева Л.Ю., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ

## Ответственный редактор журнала:

Чашкова С.Ю., к.ю.н., доцент

## Редакционный совет:

Алябьева И.И., к.ю.н.;  
Беспалов Ю.Ф., д.ю.н., профессор;  
Блинков О.Е., д.ю.н., профессор;  
Веняляйнен М., д.общ.н.;  
Гетман Е.С., к.ю.н.;  
Ключникова Я.А., к.ю.н.;  
Косова О.Ю., д.ю.н., доцент;  
Левушкин А.Н., д.ю.н., доцент;  
Маньлов И.Е., к.ю.н.;  
Низамиева О.Н., к.ю.н., доцент;  
Пчелинцев С.В., д.ю.н.;  
Рабец А.М., д.ю.н., профессор;  
Самойлов А.С., д.ю.н., профессор;  
Тоцкий Н.Н., к.ю.н.;  
Трунцевский Ю.В., д.ю.н., профессор;  
Чефанова Е.А., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;  
Шелютто М.Л., к.ю.н.

## Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, чл. - корр. РАО, заслуженный юрист РФ

## Редакция:

Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

## Верстка:

Калинина Е.С.

## Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

## Центр редакционной подписки:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный).

## Адрес редакции / издательства:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Тел.: (495) 953-91-08.

## E-mail: avtor@lawinfo.ru, www.lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Журнал включен в базу данных Российского индекса

научного цитирования (РИНЦ)

## Подписка по России:

«Объединенный каталог. Пресса России» – 15105,  
а также через www.lawinfo.ru.

## Отпечатано в компании

«Национальная полиграфическая группа».

Адрес типографии: 248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Номер подписан: 27.11.2020.

Дата выхода в свет: 10.12.2020.

ISSN 1999-477X

Цена свободная.

Формат 60x90/8.

Печать офсетная. Физ. печ. л. 6,0.

Общий тираж 3000 экз.

© ИГ «Юрист», 2020

## СОДЕРЖАНИЕ

### СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Бурова Е.В.** Правовое и духовно-нравственное содержание принципа приоритета семейного воспитания в российском праве ..... 3
- Быкодорова А.Ф., Минина А.А., Богатырева А.Т.** Защита интересов несовершеннолетних детей при разделе общего имущества супругов ..... 7
- Зыков С.В.** Основания лишения родительских прав: правоприменение и зарубежное правовое регулирование ..... 10
- Каймакова Е.В.** Актуальные вопросы правового положения свойственников в семейных отношениях ..... 14
- Кравчук Н.В.** Гагская конвенция о международном похищении детей: защита интересов ребенка или пренебрежение ими? ..... 18
- Леканова Е.Е.** Правовые особенности попечения ребенка несовершеннолетних родителей с неполным родительским статусом ..... 22
- Матвеева Н.А.** Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран ..... 25
- Процевский В.А., Голикова С.В.** Особенности конституционно-правового статуса ребенка в Российской Федерации ..... 29

### ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

- Балановский А.А.** Управление многоквартирным домом жилищным кооперативом: направления совершенствования законодательства ..... 32
- Николюкин С.В.** К вопросу о правовых последствиях ненадлежащего использования жилого помещения ..... 36
- Семенова Е.В.** Заявление и согласие как односторонние сделки в жилищном праве ..... 40
- Тарадонов С.В., Иванов И.О.** Совершенствование терминологии жилищного законодательства в сфере правового регулирования деятельности по управлению многоквартирными домами ..... 44

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов без письменного разрешения редакции преследуется по закону.

# FAMILY AND HOUSING LAW

No. 6 • 2020

RESEARCH AND PRACTICE, INFORMATION JOURNAL. REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR SUPERVISION IN THE SPHERE OF COMMUNICATIONS AND MASS COMMUNICATIONS OF SEPTEMBER 12, 2008. REG. PI No. FC-7733088. PUBLISHED SINCE 2003. PUBLISHED BIMONTHLY WITH SIX ISSUES A YEAR

Publisher: Jurist Publishing Group

## Editor in Chief of the journal:

Krashennikov P.V.,  
LL.D., Professor, Honored lawyer of the RF

## Deputy Editors in Chief of the journal:

Gongalo B.M., LL.D., Professor;  
Mikheeva L.Yu., LL.D., Professor,  
Honored lawyer of the RF

## Executive editor of the journal:

Chashkova S.Yu., PhD (Law), Associate Professor

## Editorial Board:

Alyabyeva I.I., PhD (Law);  
Bespalov Yu.F., LL.D., Professor;  
Blinkov O.E., LL.D., Professor;  
Venyalyaynen M., doctor of social sciences;  
Getman E.S., PhD (Law);  
Kluchnikova Ya.A., PhD (Law);  
Kosova O.Yu., LL.D., Associate Professor;  
Levushkin A.N., LL.D., Associate Professor;  
Manylov I.E., PhD (Law);  
Nizamieva O.N., PhD (Law), Associate Professor;  
Pchelintsev S.V., LL.D.;  
Pchelintseva L.M., LL.D., Professor;  
Rabec A.M., LL.D., Professor;  
Samoylov A.S., LL.D., Professor;  
Totsky N.N., PhD (Law);  
Truntsevsky Yu.V., LL.D., Professor;  
Chefranova E.A., LL.D., Professor, Honored lawyer of RF;  
Shelutto M.L., PhD (Law)

## Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., Professor,  
corresponding member of the RAE,  
Honored lawyer of the RF

## Editorial Office:

Lapteva E.A., Solovyova D.V.

## Layout:

Kalinina E.S.

## Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

## Editorial Subscription Centre:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel).

## Correspondence Address:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,  
Moscow, 115035. Tel.: (495) 953-91-08.

E-mail: [avtor@lawinfo.ru](mailto:avtor@lawinfo.ru),  
[www.lawinfo.ru](http://www.lawinfo.ru)

Authors shall not pay for publication of their articles.

The journal is included in the database  
Russian science citation index

Subscription in Russia:  
Unified Catalogue. Russian Press – 15105,  
and on [www.lawinfo.ru](http://www.lawinfo.ru)

Printed by National Polygraphic Group Ltd.,  
2, Svetlaya st., Kaluga, 248031. Tel.: (4824) 70-03-37

Passed for printing: 27.11.2020.

Edition was published: 10.12.2020.

ISSN 1999-477X

Free market price. Size 60x90/8.

Offset printing. Printer's sheet 6,0.

Circulation 3000 copies.

© Jurist Publishing Group, 2020

## CONTENTS

### FAMILY LAW

- Burova E.V.** The Legal, Spiritual and Moral Content of the Principle of Priority of Family Upbringing in the Russian Law .....3
- Bykodorova A.F., Minina A.A., Bogatyreva A.T.** Protection of Interests of Minor Children in Course of Division of Common Property of Spouses.....7
- Zykov S.V.** Grounds for Deprivation of Parental Rights: The Law Enforcement and the Foreign Legal Regulation ..... 10
- Kaymakova E.V.** Relevant Issues of the Legal Position of In-Laws in Family Relationships..... 14
- Kravchuk N.V.** The Hague Convention on International Child Abduction: The Protection or Neglect of a Child's Interests?..... 18
- Lekanova E.E.** Legal Peculiarities of Child Custody of Minor Parents with an Incomplete Parental Status .....22
- Matveeva N.A.** The Institution of Child's Obligations in Laws of Foreign Countries .....25
- Protsevskiy V.A., Golikova S.V.** Peculiarities of the Child's Constitutional Law Status in the Russian Federation .....29

### HOUSING LAW

- Balanovskiy A.A.** Apartment Block Management by a Housing Cooperative: Law Improvement Areas .....32
- Nikolyukin S.V.** On Legal Consequences of Undue Use of a Residential Premise .....36
- Semenova E.V.** Application and Consent as Unilateral Transactions in the Housing Law .....40
- Taradonov S.V., Ivanov I.O.** The Improvement of Housing Law Terminology in the Legal Regulation of Apartment Block Management Operations.....44

The journal is recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the RF for publication of basic results of PhD and doctoral theses.

Complete and partial reproduction of authors' materials without prior written permission of the Editorial Office shall be prosecuted in accordance with law.

# Правовое и духовно-нравственное содержание принципа приоритета семейного воспитания в российском праве

**Бурова Елена Викторовна,**  
 ассистент кафедры теории и истории государства и права  
 Таганрогского института управления и экономики  
 levchenko2503@gmail.com

Статья посвящена анализу принципа приоритета семейного воспитания детей и его духовно-нравственного содержания с целью поиска научно обоснованной правовой стратегии его реализации. Установлено, что, формируя внутрисемейные стереотипы поведения, семейное воспитание позволяет, не нарушая правовых и моральных норм, создавать условия для сохранения детьми положительного семейного опыта, включающего мировоззренческий выбор и формирование семейного сознания.

**Ключевые слова:** принципы права, семейные ценности, мораль, семейное право, философия права, семейное законодательство.

## The Legal, Spiritual and Moral Content of the Principle of Priority of Family Upbringing in the Russian Law

**Burova Elena V.**  
 Teaching Assistant of the Department of Theory and History of State and Law  
 of the Taganrog Institute of Management and Economics

This article is devoted to the analysis of the principle of priority of family education of children and its spiritual and moral content in order to find a scientifically sound legal strategy for its implementation. It is established that forming intra-family stereotypes of behavior, family education allows, without violating legal and moral norms, to create conditions for the preservation of children's positive family experience, including ideological choice and the formation of family consciousness.

**Keywords:** principles of law, family values, morality, family law, Philosophy of law, family law.

Действующий в Российской Федерации комплекс политических и правовых документов и программ, направленных на укрепление семьи и семейного образа жизни, согласно научным исследованиям и статистике, не оказывает достаточного влияния на изменение отношения к ним со стороны граждан в условиях подмены правовых принципов политическими. В этих условиях актуальность приобретает поиск научно обоснованной правовой стратегии, позволяющей снизить рост количества разводов, «гражданских браков», случаев безразличия родителей к воспитанию детей, семейного насилия, жестокого обращения с членами семьи и т.д., свидетельствующих о том, что институт семьи вступил в сложный период своей истории. Отказаться от него невозможно, как, впрочем, и возродить в прежних формах, поскольку он является одним из важнейших инструментов формирования личности человека и его социализации. Современная семья базируется на законодательстве, как регуляторе брачно-семейных отношений, духовно-нравственном и культурно-историческом наследии, как позитивном социальном опыте, влияющем на

общественное сознание, правовую культуру, юридический быт, и многом другом, включая привнесенное в нее информационными и коммуникационными технологиями, как положительного, так и отрицательного характера. В результате проблем у современной семьи становится больше, чем возможностей сохранения прежнего ее социального и правового статусов.

К сожалению, статистика свидетельствует о росте числа родителей, ведущих аморальный и асоциальный образ жизни, бросающих детей на произвол судьбы, участились случаи жестокого обращения с несовершеннолетними. По данным ВЦИОМ, полученным в процессе исследования института современной семьи, было установлено, что треть респондентов (33%) сообщает о случаях семейного насилия и жестокого обращения с несовершеннолетними детьми, которые бывали в семьях их знакомых. Каждый десятый (10%) лично сталкивался с этим в своей семье<sup>1</sup>. Кроме того, дети часто не говорят о физических наказа-

<sup>1</sup> См.: сайт ВЦИОМ. URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 19.11.2020).

ниях, применяемых в семье, считая их «воспитательным процессом», без которого родители не могут обойтись. Родители, допускающие физическое насилие в отношении своих детей, аргументируют его тем, что в детские годы их тоже били и это пошло им в дальнейшем на пользу. На самом деле такие факты являются свидетельством отсутствия в семье любви, уважения, взаимопонимания между ее членами. Существующая нормативная правовая база не позволяет вмешиваться во внутрисемейные отношения, поскольку они относятся к частной жизни людей, поэтому такие случаи не всегда известны правоохранительным органам, органам опеки и попечительства, общественности, другим организациям, созданным для защиты прав и законных интересов всех членов семьи.

В Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г. закреплено положение, что «сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, авторитета родителей в семье и обществе, профилактика и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей»<sup>2</sup> является приоритетным в демографической политике российского государства. Поэтому актуальность приобретает анализ проблем современной семьи, и особенно приемной, которая должна выполнять функции фактической для детей, оставшихся без попечения родителей или оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Наличие самых современных специализированных учреждений не может заменить семью и семейное воспитание, хотя их поддерживают благотворительные фонды, общественные организации, спонсоры, осуществляющие в основном материальную помощь. При этом недостаточное внимание уделяется профилактике социального сиротства и предупреждению причин, приводящих детей к лишению семьи и семейного воспитания, имеющего большое значение в жизни каждого человека, поскольку формирование межличностных отношений, духовно-нравственных ценностей и традиций в любом обществе связано с семьей.

Информатизация и глобализация общественных отношений оказывают влияние на формирование семейных ценностей, взаимоотношения родителей и детей, которые больше времени проводят у компьютера, чем с ними, получают информацию различного толка, не всегда оказывающую положительное влияние на характер их воспитания и стабильность семейных отношений. В ст. 7 Конституции РФ указывается, что российское государство является социальным, а его политика направлена на поддержку семьи посредством создания условий, «обеспечивающих достойную жизнь человека»<sup>3</sup>. Оно гарантирует помощь всем, кто нуждается в решении проблем семейного характера и в первую очередь детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Семья является системообразующим элементом социума, в основе которого лежат сущностные потребности человека в продолжении рода, воспитании детей, заботе о

родственников и т.д., что включено в специальные принципы семейного права.

Принципы семейного права содержат правовые и нравственные начала, в их основе лежит свободная воля всех членов семьи самостоятельно определять свою судьбу и жизнедеятельность, создавать и охранять семейные ценности, включающие уважение и ответственность друг перед другом, обществом и государством. В таком контексте они соответствуют содержанию Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В ст. 8 указанной Конвенции гарантируется и право на уважение частной и семейной жизни<sup>4</sup>, созвучное содержанию ст. 38 Конституции РФ, закрепляющей положение о том, что «материнство и детство, семья находятся под защитой государства», поскольку они являются социальными ценностями. Предназначением института семьи является удовлетворение личных по форме и общественных по содержанию потребностей каждого человека воспитываться в семье независимо от юридических форм ее существования, закрепленных в п. 2 ст. 54; ст. 123 СК РФ, согласно которым дети, оставшиеся без попечения родителей, подлежат передаче в семью на воспитание, исходя из их этнического происхождения, принадлежности к определенной культуре, религии и родного языка.

Содержание принципа приоритета семейного воспитания детей определяется нормами действующего законодательства, морали и нравственности, включает юридические обычаи, содержание философско-правовых учений, религиозных правил и доктрин, особенности исторического, социально-культурного, этно-национального развития российского общества. В этом смысле особый интерес представляет анализ законодательной преемственности, как исторического опыта прошлых поколений. О.А. Андреева пишет, что «преемственность в праве можно рассматривать как такой исторический интервал, в рамках которого происходит модернизация права, то есть процесс его приспособления к новым социально-экономическим реалиям»<sup>5</sup>. В этом смысле правопреемственность становится условием сохранения положительного опыта в процессе перехода от одного этапа исторического развития института семьи к другому.

Первоначальное регулирование брачно-семейных отношений осуществлялось посредством правовых обычаев, правовой порядок их регулирования устанавливался государством, определявшим статус семьи, права и обязанности ее членов, характер взаимоотношения родителей и детей. Становление российского семейного права происходило в процессе рецепции византийского и церковного (канонического) права в условиях противостояния их традициям славянских народов. А.И. Загоровский, известный знаток семейного права XIX в., писал: «...нашему юридическому быту были известны с древнейших времен обряды, которые наблюдались при совершении брака. Эти обряды языческого периода сильно укоренились в нравы народа и много веков после принятия христианства (даже до XVI в.)

<sup>2</sup> См.: Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> См.: Конституция РФ: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> Андреева О.А. Проблема преемственности в истории российского права // История государства и права. 2009. № 7. С. 14.

часто соблюдались предпочтительно перед церковным венчанием»<sup>6</sup>. Они соответствовали мировоззрению и быту людей того периода истории, передавались из поколения в поколение и не только в семейном праве, сохраняясь до настоящего времени.

Принципы семейного права формируются в процессе поступательного развития социума, правовой теории и истории, благодаря которым происходит расширение и углубление их содержания. Общественные отношения и люди в своей истории изменились незначительно, тогда как право и мораль изменяются в процессе их интеллектуального роста, постоянного вовлечения в сферу своих интересов того, что не подвергалось теоретической обработке в предшествующие эпохи. Расплывчивость границ смыслового содержания морального в семейном праве оказывает влияние на внутрисемейные отношения, связанные с воспитанием детей, заботой об их физическом и психическом здоровье, защитой прав и интересов, передачей им жизненного опыта, программирующего выбор ими социально значимых ориентиров в будущем.

В истории российского государства и права отношения родителей и детей до начала XIX в. в основном регулировались юридическими обычаями и традициями, определявшими быт семьи, нормами церковного (канонического) права и рядом указов, изданных в течение ряда веков, но не систематизированных. Юридическое закрепление принципов семейного права получили в книге первой Свода законов гражданских «О правах и обязанностях семейных» (1832 г.). В соответствии с ним власть отца распространялась на детей независимо от их возраста, допускались различные принудительные меры в отношении членов семьи, вплоть до заключения в смиренные дома. Жаловаться на родителей дети не имели права, кроме случаев совершения родителями уголовных преступлений.

В конце XIX и начале XX в. принципам семейного права посвящали свои исследования правоведы, государственные, общественные и церковные деятели, философы, писатели, среди которых: А.И. Загорский, К.А. Неволлин, Д.И. Мейер, К.П. Победоносцев, Ф. Шершеневич, А.Д. Способин, В.В. Розанов, А.А. Дернов, Н.Л. Дювернуа, Л.И. Петражицкий и другие. По их мнению, принципы семейного права формируются под воздействием юридических традиций, морально-нравственных и духовных ценностей, регулирующих поведение всех членов семьи. Формирование российских философско-правовых идей о значимости института семьи и ценности семейного воспитания детей было обусловлено спецификой предреволюционного развития российского общества, в котором настроения интеллигенции влияли на формирование общественного мнения, правосознание и правовую культуру населения.

Религиозно-философские представления В.В. Розанова о семье и семейном воспитании были изложены в книге «Семья как религия» (1903), в которой он утверждал, что только семья может создать для ребенка среду, в которой он будет чувствовать себя спокойно и уверенно, в ней он сформирует морально-нравственные ценности, сохраняет традиции, приобретает жизненный опыт. Он пи-

<sup>6</sup> Загорский А.И. Курс семейного права. М., 2003 С. 40.

сал, что «...школа дает только посох человеку, которого формирует семья»<sup>7</sup>. Далее он рассуждает о том, что задачей церкви является привитие духовно-нравственных ценностей человеку, оказание ему помощи в сохранении своей индивидуальности и осмыслении предназначения в парадоксально изменяющемся мире. Такой подход, конечно, отличается от традиционных ценностей классической философии, стремящейся противопоставить объективизм индивидуализму, но, как известно, право и мораль изначально не разделялись и были единой сферой, обладавшей общей пограничной областью. Сами по себе данные формы общественного сознания не имеют ни чисто морального, ни чисто правового происхождения.

В.В. Розанов писал, «что любое государственное реформирование брачно-семейных отношений является посягательством на автономность института семьи»<sup>8</sup>. Но демографические и другие проблемы, связанные с девальвацией традиционных семейных ценностей, требуют от него поиска союзников для их решения. Такими помощниками могут стать общественные и религиозные организации, ставящие своей целью сохранение российских духовно-нравственных ценностей, традиций и культуры семейного воспитания детей. В истории российской семьи религиозные принципы оказывали влияние на формирование духовно-нравственной атмосферы в семейных отношениях, чему посвящали исследования: Л.И. Петражицкий, Б.Н. Чичерин, В.С. Соловьев, который в цикле статей «Смысл любви» писал, что самореализация личности человека возможна в браке и семье. Н.А. Бердяев в работе «Смысл творчества» рассматривает семью как необходимое условие для продолжения рода человеческого, благоустройства государства и общества<sup>9</sup>. Продолжил эту тему И.А. Ильин, который писал, что вера, любовь и свобода формирует в семье уважение к родине и государству, чему он посвящает главу в книге «Путь духовного обновления», в которой рассматривает институт семьи как социальную и правовую ценность<sup>10</sup>. Принципы семейного права связаны не только с правом и моралью, но и с религиозными правилами и догматами, утверждающими приоритет семейного воспитания, как условия сохранения исторической ценности института семьи.

Преимущество семейного воспитания заключается в том, что оно развивает личность ребенка во всем ее разнообразии, включая нравственную и духовную свободу, ответственность за свои поступки и решения. Иоанн Златоуст указывал, что «если бы отцы старались дать своим детям доброе воспитание, то не нужны были бы ни законы, ни суды, ни наказания. Палачи нужны потому, что отсутствует нравственность»<sup>11</sup>. Воспитание ребенка является сложным процессом, который иногда сводится к удовлетворению родителями материальных потребностей и просьб детей, что в итоге порождает потребительские настроения, приводящие к различным человеческим порокам. Исследование правового и духовно-нравственного содержания принципа

<sup>7</sup> Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1991. С. 137.

<sup>8</sup> Розанов В.В. Уединенное. М., 2013. С. 146.

<sup>9</sup> См.: Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 185.

<sup>10</sup> Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 199.

<sup>11</sup> Каспаров Г.С. Иоанн Златоуст о воспитательной функции семьи // Страницы истории педагогики. Пятигорск, 2004. Вып. 22. С. 81.

приоритета семейного воспитания приобретает актуальность в период распространения нетрадиционных форм брака и права такого рода семей на усыновление детей.

В современном российском обществе постепенно усиливается влияние Русской православной церкви, как отправной точки сохранения духовных и нравственных ценностей, исторически присутствующих в подсознании народа. Религиозные заповеди, имеющие общечеловеческое значение: не убей, не укради и т.д. впоследствии вошли в содержание правовых норм. Семейное воспитание детей является способом отражения внешнего мира, формирующего внутреннюю модель бытия семьи, ее иерархичность, понятие родительской власти, саморегулирования и репрезентации взаимоотношений между ее членами

в процессе совместной жизнедеятельности. Формируя внутрисемейные стереотипы поведения между мужчиной и женщиной, возрастными группами, до вступления в брак и в нем, семейное воспитание позволяет, не нарушая правовых и моральных норм, создавать условия для сохранения детьми положительного семейного опыта, включающего уважительное отношение к их мировоззренческому выбору и формированию семейного сознания. Обобщение практики применения норм, регулирующих формы устройства детей, оставшихся без попечения, реализация принципа приоритета их семейного воспитания и развитие соответствующего законодательства способны обеспечить защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

### Литература

1. Андреева О.А. Проблема преемственности в истории российского права / О.А. Андреева // История государства и права. 2009. № 7. С. 13–18.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека : сборник / Н.А. Бердяев ; автор вступительной статьи П.П. Гайденко ; примечание Р.К. Медведевой. Москва : Республика, 1993. 382 с.
3. Загоровский А.И. Курс семейного права / А.И. Загоровский ; под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. Москва : Зерцало, 2003. 448 с.
4. Ильин И.А. Путь к очевидности : сборник / И.А. Ильин ; послесловие В.И. Кураева ; примечание Р.К. Медведевой. Москва : Республика, 1993. 430 с.
5. Каспаров Г.С. Иоанн Златоуст о воспитательной функции семьи // Страницы истории педагогики : материалы для студентов по изучению курса истории педагогики / Пятигорский государственный лингвистический университет ; составитель и научный редактор В.В. Макаев. Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2004. Вып. 22. С. 79–85.
6. Розанов В.В. Сумерки просвещения : сборник / В.В. Розанов ; составители и авторы очерка о В.В. Розанове, В.Н. Щербаков. Москва : Педагогика, 1990. 620 с.
7. Розанов В.В. Уединенное / В.В. Розанов. Москва : Фирма Бертельсманн Медиа Москау АО : Кн. Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2013. 190 с.

### Уважаемые авторы!

Обращаем ваше внимание на следующие пункты:

- Нельзя предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале.
- Соавторами статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.
- Если вы обнаружили существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, необходимо как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

## Защита интересов несовершеннолетних детей при разделе общего имущества супругов

**Быкодорова Анджела Федоровна,**  
 профессор кафедры гражданского права и процесса  
 Ставропольского института кооперации (филиала)  
 Белгородского университета кооперации, экономики и права,  
 кандидат юридических наук, доцент  
 bykodorova.anzhela@bk.ru

**Минина Анна Александровна,**  
 доцент кафедры гражданского права и процесса  
 Ставропольского института кооперации (филиала)  
 Белгородского университета кооперации, экономики и права,  
 кандидат психологических наук, доцент  
 ann247@yandex.ru

**Богатырева Аминат Тамерлановна,**  
 старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса  
 Ставропольского института кооперации (филиала)  
 Белгородского университета кооперации, экономики и права  
 bogatyreva.amina@mail.ru

Статья посвящена проблемам защиты интересов несовершеннолетних детей при разделе общего имущества супругов. Авторы приходят к выводу о том, что на законодательном уровне необходимо закрепить понятие «интерес ребенка».

**Ключевые слова:** интерес ребенка, имущество супругов, расторжение брака, защита прав.

## Protection of Interests of Minor Children in Course of Division of Common Property of Spouses

**Bykodorova Andzhela F.**  
 Professor of the Department of Civil Law and Procedure  
 of the Stavropol Institute of Cooperation (Branch)  
 of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law  
 PhD (Law), Associate Professor

**Minina Anna A.**  
 Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure  
 of the Stavropol Institute of Cooperation (Branch)  
 of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law  
 PhD (Psychology), Associate Professor

**Bogatyreva Aminat T.**  
 Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure  
 of the Stavropol Institute of Cooperation (Branch)  
 of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

The article is devoted to the problems of protecting the interests of minor children in the division of common property of spouses. The authors come to the conclusion that the concept of «child's interest» should be consolidated at the legislative level.

**Keywords:** interest of a child, property of spouses, divorce, protection of rights.

Как известно, несовершеннолетние являются одной из наиболее незащищенных категорий населения. В силу своего возраста они не могут самостоятельно защищать свои права и отстаивать имущественные интересы, в связи

с чем нуждаются в специальной охране, заботе и правовой защите со стороны государства.

В связи с этим законодателем установлен комплекс мер, направленных на защиту прав несовершеннолетнего при расторжении брака его родителей. Одной из мер является то, что законодатель достаточно четко определяет состав имущества, принадлежащего несовершеннолетнему, и устанавливает его правовой режим. В соответствии с п. 5 ст. 38 СК РФ «вещи, приобретенные исключительно для удовлетворения потребностей несовершеннолетних детей (одежда, обувь, школьные и спортивные принадлежности, музыкальные инструменты, детская библиотека и другие), разделу не подлежат и передаются без компенсации тому из супругов, с которым проживают дети. Вклады, внесенные супругами за счет общего имущества супругов на имя их общих несовершеннолетних детей, считаются принадлежащими этим детям и не учитываются при разделе общего имущества супругов»<sup>1</sup>.

Еще одной мерой защиты является включение в Семейный кодекс положения п. 2 ст. 39 СК РФ, согласно которому «суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе исходя из интересов несовершеннолетних детей и (или) исходя из заслуживающего внимания интереса одного из супругов, в частности, в случаях, если другой супруг не получал доходов по неуважительным причинам или расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи»<sup>2</sup>.

В законе не уточняется, что следует понимать под интересами детей. По мнению П.В. Крашенинникова, «Интерес – это условия благополучия субъектов, реализация которых является целью правового регулирования»<sup>3</sup>. То есть под интересами детей можно понимать их благополучие, а так как речь идет о разделе имущества, правильнее было бы сказать имущественное благополучие.

На сегодняшний день в суды поступает большое количество исковых заявлений от супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей. Однако суды достаточно редко применяют п. 2 ст. 39 СК РФ. Это обусловлено отсутствием у судов установленных законом оснований для отступления от принципа равенства долей супругов и выделения доли несовершеннолетнего или учета его интересов в другой форме (например, выделение большей доли тому из супругов, с кем продолжают проживать несовершеннолетние дети).

Возможностью решения данной проблемы может послужить закрепление на законодательном уровне перечня интересов несовершеннолетних, которые должны приниматься во внимание согласно п. 2 ст. 39 СК РФ. Такими интересами К.Б. Зелинская предлагает считать следующее: обеспеченность едой, одеждой, необходимыми школьными принадлежностями; поддержание прежнего материального уровня жизни; необходимость наличия места постоянного проживания, соответствующего нормам, и т.д.<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Судебная практика по семейным делам / отв. ред. П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2009. С. 45.

<sup>4</sup> Зелинская К.Б. Защита имущественных прав ребенка при расторжении брака родителей и разделе имущества // Современные проблемы юриспруденции. 2017. С. 48.

Стоит подчеркнуть, что при отступлении судами от принципа равенства долей супругов в их общем имуществе исходя из интересов несовершеннолетних детей «речь идет именно об общих с ответчиком несовершеннолетних детей, а не детей истца от другого брака»<sup>5</sup>. Данный факт также подтверждается судебной практикой. Так, Президиум Московского областного суда в своем Постановлении от 4 марта 2009 г. № 43 отменил решение суда первой инстанции, отступившего от начала равенства долей супругов в пользу супруги, с которой проживала малолетняя дочь от другого брака<sup>6</sup>.

Суд вправе увеличить долю супруга, с которым остаются проживать несовершеннолетние дети, только при условии, что без указанного увеличения интересы детей не могут быть удовлетворены, т.е. не могут быть созданы надлежащие условия для содержания и воспитания детей. Логичным, на наш взгляд, представляется вывод, что это должно быть такое имущество, потребительские свойства которого могут удовлетворять интересы детей. Отметим, что имущество, выделяемое сверх доли супругу, с которым остаются несовершеннолетние дети, принадлежит на праве раздельной собственности этому супругу, а не детям, поскольку в п. 2 ст. 39 СК РФ это имущество передается из общей собственности супругов, а в силу ст. 60 СК РФ дети не имеют права собственности на имущество родителей.

При наличии разногласий по поводу общего имущества, приобретенного совместно родителями и детьми, раздел его производится по правилам гражданского, а не семейного законодательства (в отношении такого имущества действуют нормы о долевой собственности).

По нашему мнению, одним из главных интересов несовершеннолетнего является обеспечение его жилищем. Как отмечает в своей работе Т.А. Перова, при разделе недвижимого имущества, находящегося в совместной собственности супругов, суды не опираются на п. 2 ст. 39 СК РФ, как правило, они однозначно признают равенство долей супругов. В отношении же иного имущества суды учитывают интересы несовершеннолетних, выделяя супругу, с которым остаются дети, большую долю<sup>7</sup>.

В связи с этим при разделе имущества супругов могут возникнуть неясности в части того, где может проживать несовершеннолетний. По этому поводу Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса РФ» разъяснил, что «при прекращении семейных отношений родителей несовершеннолетнего, проживающего в жилом помещении, которое находится в собственности одного из родителей, право пользования ребенком жилым помещением не утрачивается в контексте правил ч. 4 ст. 31 ЖК РФ (п. 14)»<sup>8</sup>.

<sup>5</sup> Панова А.В. Отступление от принципа равенства долей при разделе общего имущества супругов // Наука, образование и культура. 2017. № 9 (24). С. 61.

<sup>6</sup> Постановление президиума Московского областного суда от 4 марта 2009 г. № 43 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>7</sup> Перова Т.А. Защита интересов несовершеннолетних детей при разделе совместно нажитого имущества супругов // Судья. 2015. № 7. С. 41.

<sup>8</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.

Положительным моментом данного решения является невозможность выселения несовершеннолетнего из жилого помещения после развода его родителей, т.е. в теории ребенок обеспечен жилищем. На практике же дело обстоит иначе. Второй родитель, становясь бывшим членом семьи собственника жилища, теряет право пользования им и не может там проживать. В такой ситуации есть два варианта: либо несовершеннолетний остается жить с родителем – собственником жилого помещения, даже если это расходится с интересами его воспитания, либо покидает жилое помещение с другим родителем. Это означает, что фактически норма, фиксирующая сохранение за несовершеннолетним права пользования жильем его родителя, не работает. Кроме того, если несовершеннолетний вместе с родителем-несобственником выехал из жилого помещения родителя-собственника, его нельзя снять с регистрации в жилом помещении, при этом реально жилищные права ребенка не обеспечиваются.

Резюмируя вышесказанное, можно сказать следующее. Законодателем установлен комплекс мер, направлен-

ных на защиту прав несовершеннолетнего при расторжении брака его родителей. Первой мерой является то, что законодатель достаточно четко определяет состав имущества, принадлежащего несовершеннолетнему, и устанавливает его правовой режим (п. 5 ст. 38 СК РФ). Второй мерой защиты является включение в Семейный кодекс положения, согласно которому «суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе исходя из интересов несовершеннолетних детей (п. 2 ст. 39 СК РФ). Однако, несмотря на реализуемые меры, все же в данной области есть некоторые проблемы. В частности, отсутствует закрепление на законодательном уровне перечня интересов несовершеннолетних, которые должны приниматься во внимание судом согласно п. 2 ст. 39 СК РФ. С включением в законодательство перечня интересов несовершеннолетних у суда бы появились основания для реализации п. 2 ст. 39 СК РФ, а значит, возможность более четко осуществлять защиту интересов несовершеннолетних.

#### Литература

1. Зелинская К.Б. Защита имущественных прав ребенка при расторжении брака родителей и разделе имущества / К.Б. Зелинская // Современные проблемы юриспруденции : сборник научных трудов магистрантов и аспирантов / составитель М.С. Сагандыков. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2017. Вып. 1. С. 48–50.
2. Панова А.В. Отступление от принципа равенства долей при разделе общего имущества супругов / А.В. Панова // Наука, образование и культура. 2017. № 9 (24). С. 60–63.
3. Перова Т.А. Защита интересов несовершеннолетних детей при разделе совместно нажитого имущества супругов / Т.А. Перова // Судья. 2015. № 7 (55). С. 41–44.
4. Судебная практика по семейным спорам / ответственный редактор П.В. Крашенинников. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Статус, 2008. 651 с.

Вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на [autor-rq@lawinfo.ru](mailto:autor-rq@lawinfo.ru), в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по e-mail: [avtor@lawinfo.ru](mailto:avtor@lawinfo.ru)

## Основания лишения родительских прав: правоприменение и зарубежное правовое регулирование

**Зыков Сергей Викторович,**  
научный сотрудник Института философии и права  
Сибирского отделения Российской академии наук  
Zykovsv@yandex.ru

В статье рассматриваются основания лишения родительских прав, предусмотренные в ст. 69 СК РФ. При проведении их сопоставления с положениями Конвенции о правах ребенка делается вывод об их существенном различии, поэтому не находит подтверждения тезис о том, что существующие положения российского права детерминированы международными обязательствами Российской Федерации. Несмотря на то, что шесть существующих составов лишения родительских прав являются самостоятельными, анализ правоприменительной практики показывает, что суды избегают четкого приведения фактических обстоятельств к соответствующим составам. Разумеется, это увеличивает риск вынесения неправоудного решения. Разъяснения, которые даны в Постановлении Пленума ВС РФ от 14 ноября 2017 г. № 44, к сожалению, являются недостаточными. Нормы, устанавливающие основания лишения родительских прав в государствах СНГ, в целом похожи на российские, однако в ряде случаев последние показывают стремление к конкретизации. В западноевропейских государствах такие основания, как правило, особо не выделяются: нарушение прав ребенка рассматривается как основание применения различных мер воздействия, среди которых лишение родительских прав является крайней, но даже при ее применении родители не утрачивают возможности общения с ребенком (если это не противоречит его интересам). Последнее следует предусмотреть и в российском праве. По мнению автора, следует ограничительно сформулировать основания лишения родительских прав, сократить их число; при этом должно быть дано разъяснение судам о необходимости четко следовать их содержанию при вынесении решений.

**Ключевые слова:** лишение родительских прав, родительские права, семья, ребенок, меры защиты, семейно-правовая ответственность.

### Grounds for Deprivation of Parental Rights: The Law Enforcement and the Foreign Legal Regulation

**Zykov Sergey V.**  
Research Scientist of the Institute of Philosophy and Law  
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

The article discusses the reasons for the deprivation of parental rights provided for in Article 69 Family Code. When comparing them with the provisions of the Convention on the Rights of the Child, a conclusion is drawn about their significant difference, therefore, the thesis that the existing provisions of Russian law are determined by international obligations of the Russian Federation is not confirmed. Despite the fact that the six existing structures of deprivation of parental rights are independent, an analysis of law enforcement practice shows that the courts avoid a clear reduction of factual circumstances to the relevant compositions. Of course, this increases the risk of an unjust decision. The clarifications given in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 14, 2017 No. 44, unfortunately, are insufficient. The norms establishing the basis for deprivation of parental rights in the Union of Independent States are generally similar to the Russian ones, however, in a number of cases, the latter show a desire for concretization. In Western European countries, such reasons, as a rule, are not particularly distinguished: violation of the rights of the child is considered as the basis for applying various measures of influence, among which the deprivation of parental rights is extreme, but even if it is used, the parents do not lose the opportunity to communicate with the child (if this does not contradict him interests). The latter should be provided for in Russian law. According to the author, one should restrictively formulate the grounds for depriving parents of their rights, reduce their number; at the same time, an explanation should be given to the courts about the need to clearly follow their content when making decisions.

**Keywords:** deprivation of parental rights, parental rights, family, child, protection, family-legal responsibility.

Как известно, в основу действующего Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ, Кодекс)<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

было положено советское законодательство, адаптированное под рыночные отношения. Это относится и к основаниям лишения родительских прав: большая часть их составов (4 из 6) совпадает с ранее установленными в ст. 59 Кодекса

о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 г.<sup>2</sup>, и только одна гипотеза правовой нормы не была воспринята: «оказывают вредное влияние на детей своим аморальным, антиобщественным поведением» (сохранилась в законодательстве Республики Беларусь<sup>3</sup>).

В то же время на данный юридический институт повлияла Конвенция о правах ребенка (далее — Конвенция)<sup>4</sup>, соотношение с которой рассмотрим подробнее.

Первое основание (абз. 2 ст. 69 СК РФ «уклонение от выполнения обязанностей родителей...») можно связать с основанием разлучения с ребенком «когда родители не заботятся о нем» (п. 1. ст. 9 Конвенции). Нетрудно заметить, что российские нормы «жестче» по отношению к родителям: Конвенция предполагает не просто ненадлежащее исполнение, а полное игнорирование обязанностей родителей.

«Жестокое обращение с ребенком» (абз. 5 ст. 69 СК РФ) находит свое соответствие в положениях п. 1 ст. 9 Конвенции, но в этой норме оно не расшифровывается как физическое или психическое насилие над ними, покушение на половую неприкосновенность — подобного рода определение фигурирует в ст. 19 Конвенции в значительно более широком контексте: обязанности государства по разработке социальных программ и «других форм предупреждения и выявления, сообщения, передачи на рассмотрение, расследования, лечения и последующих мер», где инициирование судебного разбирательства значится в конце списка. Кроме того, Конвенция закрепляет за ребенком право «поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты» с разлучаемым родителем, если это не противоречит «наилучшим интересам ребенка» (последнее выступает дополнительным условием и самого разлучения).

Остальные же основания (абз. 3, 4, 6, 7 ст. 69 СК РФ) прямого соответствия с нормами Конвенции не имеют.

Таким образом, можно сделать вывод, что основания лишения родительских прав по СК РФ нельзя считать прямо обусловленными требованиями Конвенции: имеются явные различия как в составах, так и в правовых последствиях. Даже не говоря о том, что буквального соответствия здесь и не требуется, предполагается, что положения Конвенции конкретизируются в национальном праве.

Как применяются рассматриваемые нормы судами? Анализ судебной практики за 2018 г. по интернет-ресурсу «Судебные и нормативные акты РФ»<sup>5</sup> показывает, что конкретные основания указывались только в 37% решений об удовлетворении требований; при этом примерно в трети таких судебных постановлений приведенные основания явно не соответствовали обстоятельствам дела.

В 63% судебных решений давалась общая отсылка на ст. 69 СК РФ (часто с ее дословным воспроизведением), при том что из обстоятельств дела всегда просматривалось конкретное основание: в подавляющем большинстве дел — игнорирование родительских обязанностей, изредка еще

и алкоголизм, один раз — жестокое обращение с детьми, подтвержденное экспертизой.

Видимо, судьи, понимая некоторую неубедительность мотивировочной части выносимых решений, нередко «фундировали» их вопросами, явно не относящимися к предмету рассматриваемого спора. Так, в 29,6% случаев исследовались условия жизни родителя (опекуна), вопрос о лишении прав которых не стоял. Впрочем, можно предположить и смешение с предметом доказывания по другой категории споров о детях: об определении места жительства ребенка.

Не вдаваясь в анализ обоснованности выносимых решений, отметим, что особо спорно выглядят многие решения о лишении родительских прав, в которых истцом выступает бывший супруг (чаще — супруга). В одном из дел, где фигурировала задолженность по уплате алиментов, не были приняты во внимание даже возражения прокурора, обоснованные болезнью ответчика<sup>6</sup>. Как правило, не принимались во внимание ссылки на препятствия со стороны родителя, с которым проживает ребенок. Понимание того, что отдельно проживающий родитель находится в откровенно «слабой» позиции и психологически, и с точки зрения возможности практического осуществления своих родительских прав, у многих судей явно отсутствует. Единичные судебные правоприменительные позиции: «Разрешая спор, суд исходит из того, что непринятие попыток к общению ответчика с ребенком обусловлено неприязненными отношениями между бывшими супругами»<sup>7</sup> выглядит, к сожалению, исключением.

Статистика по указанной базе за 2019 г. является менее репрезентативной: по окончании календарного года в ней сохранилось лишь 29 удовлетворенных исков. Общая отсылка на ст. 69 СК РФ целиком представлялась в 21% решений, в остальных случаях суды ссылались на конкретные основания, с подавляющим преимуществом — на 2 абз. ст. 69 СК РФ.

Таким образом, подавляющее большинство решений строится по абз. 2 ст. 69 СК РФ, но возникает впечатление, что норма применительно к данному спору самими судами воспринимается как недостаточная, поэтому дополняется другими основаниями, однако без четкой привязки к определенному положению закона.

Для полноты картины обратимся к судебным актам, приводимым к рассматриваемой статье Кодекса в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс». Примеры по иным основаниям, чем первое (абз. 2 ст. 69 СК РФ), найдутся явно с трудом. Там, где они обнаруживаются, опять же суды приводят их в совокупности с уклонением (самоустранением) от исполнения родительских обязанностей и последние выглядят как решающие. Даже подчеркивая самостоятельность отдельных оснований (абз. 6 ст. 69 СК РФ, ответчица состояла на учете в наркодиспансере), суд тут же указывает: «Кроме того ответчица самоустранилась от воспитания и содержания ... материальной помощи на содержание детей не оказывает»<sup>8</sup>.

<sup>2</sup> Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.

<sup>3</sup> Статья 80 Кодекса Республики Беларусь «О браке и семье» от 9 июля 1999 г. № 278-3. URL: <https://www.mvd.gov.by/uploads/dgim/kodeks.pdf> (дата обращения: 10.10.2020).

<sup>4</sup> Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.10.2020).

<sup>5</sup> URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 10.10.2020).

<sup>6</sup> Решение Ленинского районного суда г. Краснодара от 27 июня 2018 г. № 2-4625/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PGcсRPaJTEHm/?page=2>

<sup>7</sup> Решение Химкинского городского суда от 15 февраля 2018 г. по делу № 2-461/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tREUBZObYdmt/>

<sup>8</sup> Апелляционное определение Московского городского суда от 20 марта 2017 г. по делу № 33-10117/2017 // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/search>

Попытка разъяснить содержание оснований лишения родительских прав относительно недавно была предпринята Верховным Судом Российской Федерации (далее – ВС РФ)<sup>9</sup>.

По первому основанию ВС РФ пояснил: «Уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей может выражаться в отсутствии заботы об их здоровье, о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обучении». Это сложно назвать разъяснением оснований ответственности – суд пояснил скорее содержание обязанностей родителей. О злостном характере уклонения от уплаты алиментов, по мнению ВС РФ, могут свидетельствовать, например, наличие задолженности по алиментам; сокрытие действительного размера дохода; розыск; привлечение к административной или уголовной ответственности. Если последние уточнения действительно таковыми являются (хотя применительно к розыску и сокрытию возникают вопросы о наличии вины плательщика в форме умысла), то первая формулировка не разъясняет ровным счетом ничего, поскольку не обозначено никаких критериев задолженности.

Основание, предусмотренное абз. 3 ст. 69 СК РФ, разъяснено удовлетворительным образом, но среди опубликованных решений не встретилось ни разу.

Злоупотребление родительскими правами (абз. 4 ст. 69 СК РФ) пояснено посредством перечня юридических фактов, носящих достаточный конкретный характер («создание препятствий к получению общего образования, вовлечение в занятия азартными играми, склонение к бродяжничеству, попрошайничеству, воровству, проституции...» и т.п., всего 12 составов), но именно они практически не встречаются в судебных решениях, несмотря на то, что само основание приводится (на втором месте по частоте упоминаний). Единственное исключение связано с первым юридическим фактом (создание препятствий к получению образования), но и здесь с оговоркой: в проанализированных судебных решениях речь не о создании препятствий, а об отсутствии заботы об обучении ребенка, в контексте общего отсутствия заботы о нем.

По четвертому основанию (жестокое обращение с ребенком) ВС РФ просто перефразировал норму Кодекса.

По составу, связанному с хроническим алкоголизмом или наркоманией, указывается на необходимость подтверждения «соответствующими медицинскими документами». Здесь проблема в том, что такие документы, как правило, имеются только у тех, кто пытается *избавиться* от соответствующей зависимости.

Наконец, относительно последнего основания уточнения касаются лишь формы доказательств: необходимость подтверждения преступления обвинительным приговором (постановлением, определением) суда или «постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию». Вызывает сомнения конституционность последнего основания. Не пояснено даже, когда именно должно быть совершено преступление, чтобы быть основанием для

<sup>9</sup> Пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав // Российская газета. 2017. 20 ноября.

лишения родительских прав. Можно ли лишить прав за преступление, совершенное за двадцать лет до рождения ребенка? Ответа не дано. Практики отмечают, что встречаются случаи лишения по данному основанию «далеко не во благо несовершеннолетнего»<sup>10</sup>.

Таким образом, нельзя сказать, что ВС РФ упростил для судов применение рассматриваемых норм.

Обратимся к зарубежному законодательству, начиная с государств СНГ. Несмотря на отсутствие соответствующего модельного кодекса, соответствующие нормы схожи с российскими. Отличия проявляются, например, в легальной конкретизации оснований. Так, в украинском законодательстве расшифровывается злоупотребление родительскими правами: «прибегают к любым видам эксплуатации ребенка, принуждают его к попрошайничеству и бродяжничеству»<sup>11</sup>. В профильном кодексе Республики Кыргызстан аналогично указывается: «допускают бродяжничество своих несовершеннолетних детей; вовлекают детей в наихудшие формы детского труда»<sup>12</sup> (при этом формально злоупотребление родительскими правами значит отдельным основанием).

В законодательстве Казахстана попытались решить вышеуказанную проблему доказывания зависимости родителя, заменив формулировку с «признаны в установленном законодательством порядке»<sup>13</sup> на «злоупотребляют» (с добавлением токсикомании)<sup>14</sup>. При всей спорности данного основания как самостоятельного (без учета влияния на ребенка, постановления его в опасное положение) следует отметить стремление зарубежного законодателя учитывать социальные реалии.

Иной подход наблюдается в праве западноевропейских государств. Например, согласно французскому Гражданскому кодексу возникновение опасности для ребенка, подрыв условий его жизни влечет применение так называемых «мер образовательной помощи»<sup>15</sup> (*mesures d'assistance éducative*). По общему правилу эти меры заключаются в помощи и консультировании лицами, назначенными судом, и носят временный характер. Предполагается оставление ребенка в привычной обстановке (L.375-2). Родители продолжают пользоваться родительскими правами, совместимыми с предпринятыми мерами (L.375-7). Если ситуация требует все же отобрания ребенка у родителей, последние тем не менее, по общему правилу, сохраняют права на переписку, посещение ребенка, встречи по месту своего жительства (*droit d'hébergement*).

Согласно (1) § 1666 Германского гражданского уложения, основанием принятия мер по отношению к родителям является угроза благополучию ребенка в ситуации, если

<sup>10</sup> Мельникова М.Б. Совершение преступления в семье как основание для лишения родительских прав // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18–2. С. 230.

<sup>11</sup> Часть 1 ст. 164 Семейного кодекса Украины // Семейный кодекс Украины. Відомості Верховної Ради України. 2002. № 21–22. Ст. 135.

<sup>12</sup> Статья 74 Семейного кодекса Кыргызской Республики от 30 августа 2003 г. № 201 // Эркин Тоо. 2003. 5 сентября.

<sup>13</sup> Подпункт 5 п. 1 ст. 67 Закона Республики Казахстан «О браке и семье» от 17 декабря 1998 г. № 321-ІЗРК // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1998. № 23. Ст. 430.

<sup>14</sup> Подпункт 5 п. 1 ст. 75 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» от 26 декабря 2011 г. № 518-ІV // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2011. № 22. Ст. 174.

<sup>15</sup> L.375 Code civil // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721> (дата обращения: 10.10.2020).

родители не устраняют сами такую опасность. Согласно § 1666а отобрание ребенка, лишение родительских прав допустимы только если иные меры не принесли успеха.

По этому же пути пошло, например, литовское законодательство: согласно ст. 3.180 Гражданского кодекса ограничение родительской власти может быть временным или бессрочным. При этом второе суд применяет, если «родители (отец или мать) «причиняют особый вред развитию ребенка или совершенно не заботятся о нем и нет сведений, что ситуация может улучшиться».

Мы видим, что в западноевропейском праве лишение родительских прав является крайним элементом в системе других мер воздействия на родительно-детские отношения. При такой постановке вопроса формулируются лишь общие основания вмешательства в данные отношения, нет необходимости определять специальные основания именно для применения данной исключительной санкции. Кстати, даже передача ребенка другому лицу не исключает возможности общения с ним; лишение родительских прав предполагает возможность бессрочной восстановимости.

Разумеется, не все и там идеально. Например, во Франции существует огромный аппарат специализированных судов, сотрудников двух профильных министерств, общественных организаций, получающих бюджетное финансирование. В таких условиях правоприменение обретает, к сожалению, собственную логику бытия, порой далекую от потребностей общества.

На фоне зарубежного законодательства хорошо просматриваются методологические недостатки рассматриваемого отечественного юридического института. Лишение родительских прав может применяться без каких-либо предварительных мер воздействия<sup>16</sup>, а его последствия не предполагают возможности общения с ребенком ни при каких условиях<sup>17</sup>, что ставит под сомнение фактическую возможность восстановления в родительских правах (которая легально отпадает после усыновления).

<sup>16</sup> На необходимость предварительного применения иных профилактических мер указывалось в литературе. См., например: Шершень Т.В. Лишение родительских прав как мера защиты прав и интересов ребенка и обеспечения его безопасности // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 2 (80). С. 76–83.

<sup>17</sup> На необходимость решения вопроса об общении ребенка с родителем, лишенным родительских прав, указывалось в литературе. См.: Шигонина Л.А., Ноздрин Л.В. Лишение родительских прав как один из способов защиты прав несовершеннолетних // Modern Science. 2019. № 12–1. С. 466. Существует и противоположная точка зрения, согласно которой прекращение общения с ребенком — одна из «целей» данного института. См.: Цепкова Т.М., Бахарева О.А. Исполнение решения по делам о лишении родительских прав и его правовые последствия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 146.

В результате исходного разделения юридических институтов лишения родительских прав (ст. 69 СК РФ) и внесудебного отобрания ребенка (ст. 77 СК РФ) законодатель был вынужден заведомо «занизить планку» для первого из них, чтобы обеспечить их различие.

Усугубляет ситуацию наличие еще ограничения родительских прав, основания применения которого (п. 2 ст. 73 СК РФ) вообще представлены открытым перечнем. Данный юридический институт, безусловно, заслуживает отдельного рассмотрения, но здесь нельзя не отметить, что указанная открытость оснований дает возможность применять его судам с «легкостью необыкновенной», в том числе с учетом положения абз. 2 п. 2 ст. 73 СК РФ («не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав»), когда просто не доказаны основания для лишения родительских прав и следовало бы отказать в исковых требованиях. При этом заявленный впоследствии иск о лишении родительских прав удовлетворяется почти автоматически, поскольку, как отмечается, отсутствуют предпосылки того, чтобы родитель смог справиться с ситуацией<sup>18</sup>. Мы даже не говорим о том, что определение ограничения родительских прав как «отобрания» ребенка (п. 1 ст. 73 СК РФ) при буквальном толковании, казалось бы, исключает применение этой меры защиты к родителю, проживающему отдельно от ребенка, а на практике применяется в этой ситуации.

Таким образом, существует два пути совершенствования нормативной основы лишения родительских прав. Первый — формирование единого комплекса мер, применяемых к родителям, в цепочке которых такая ответственность будет последней крайней мерой. Его очевидным недостатком является и то, что таких мер не выработано практикой, и имеются основания сомневаться в возможности их адекватного применения с организационной точки зрения.

Второй путь — ограничительно сформулировать<sup>19</sup> основания лишения родительских прав, сократить их число, сделав соразмерными социальной реальности; при этом Верховный суд должен будет ориентировать суды на четкое следование их содержанию при вынесении решений.

<sup>18</sup> Соседова М.В. Ограничение в родительских правах как мера ответственности родителя, не выполняющего свои обязанности // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Т. 6. № 2. С. 96.

<sup>19</sup> Пока, к сожалению, просматриваются иные тенденции. В ст. 2 проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» (URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAxolgmPXEFKLUlq7JAARUS.pdf>), как и в предыдущем проекте 2016 г., определение соответствующего правонарушения размыто просто катастрофически. Упоминаем об этом, поскольку принятие подобного закона фактически означало бы еще одну, не предусмотренную СК РФ, форму поражения в родительских правах.

#### Литература

1. Мельникова М.Б. Совершение преступления в семье как основание для лишения родительских прав / М.Б. Мельникова // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18–2. С. 229–230.
2. Соседова М.В. Ограничение в родительских правах как мера ответственности родителя, не выполняющего свои обязанности / М.В. Соседова // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. Т. 6. № 2. С. 94–98.
3. Цепкова Т.М. Исполнение решения по делам о лишении родительских прав и его правовые последствия / Т.М. Цепкова, О.А. Бахарева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2 (121). С. 142–148.
4. Шершень Т.В. Лишение родительских прав как мера защиты прав и интересов ребенка и обеспечения его безопасности / Т.В. Шершень // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 2 (80). С. 76–83.
5. Шигонина Л.А. Лишение родительских прав как один из способов защиты прав несовершеннолетних / Л.А. Шигонина, Л.В. Ноздрин // Modern Science. 2019. № 12–1. С. 462–467.

## Актуальные вопросы правового положения свойственников в семейных отношениях

Каймакова Елена Васильевна,  
доцент Юго-Западного государственного университета,  
кандидат юридических наук, доцент  
kev.1976@mail.ru

В настоящей статье на основе действующего российского законодательства рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования семейных отношений с участием лиц, имеющих статус свойственников, а также разрабатывается юридическое понимание терминов мачеха и отчим, пасынок и падчерица.

**Ключевые слова:** отношения свойства, свойственники, мачеха, отчим, пасынок, падчерица, супруги, фактические сожители, родители ребенка.

### Relevant Issues of the Legal Position of In-Laws in Family Relationships

Kaymakova Elena V.  
Associate Professor of the Southwest State University  
PhD (Law), Associate Professor

This article, on the basis of the current Russian legislation, considers topical issues of legal regulation of family relations with the participation of persons with the status of characteristic, as well as develops a legal understanding of the terms stepmother and stepfather, stepson and stepfather.

**Keywords:** property relations, characteristics, stepmother, stepfather, stepson, stepdaughter, spouses, actual cohabitants, parents of a child.

Семейные правоотношения в Российской Федерации традиционно возникают в силу ряда юридических фактов: зарегистрированного брака; установления материнства и отцовства; усыновления детей; кровного родства и других. Наряду с этим отечественное семейное законодательство не раскрывает такие значимые юридические понятия, как семья, брак, члены семьи, родственники, свойственники, фактические сожители и другие, имеющие значение не только применительно к семейным правоотношениям, но и к жилищным, наследственным и т.п.

Указанное обстоятельство активно обсуждается современными учеными на страницах научных изданий. Так, например, Ю.Ф. Беспалов отмечает: «Нередко Семейный кодекс РФ «ругают» за отсутствие в нем ключевого понятия «семья», которое имеет значение и для других отраслей права. Действительно, определение понятия семьи, а также членов семьи, родственников, свойственников чрезвычайно важно и для гражданского, жилищного, процессуальных, а также других отраслей права и законодательства»<sup>1</sup>. Исходя из буквального понимания ст. 2 СК РФ называет три основных категории участников семейных отношений: члены семьи; другие родственники, в том числе и близкие; иные лица.

<sup>1</sup> Крашенинников П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. СПС «КонсультантПлюс».

Категория иных лиц, участвующих в семейных правоотношениях, четко не определена законодателем. Исходя из буквы закона, эту категорию составляют свойственники, опекуны (попечители) и их подопечные, приемные родители и дети, в отдельных случаях – фактические воспитатели и их воспитанники. Свойство принято называть «родством по браку» или «некровным родством»<sup>2</sup>, социальным родством.

В научной доктрине под правоотношениями свойства понимаются отношения между супругом и родственниками другого супруга, а также между родственниками обоих супругов. Свойственниками выступают невестка и свекор, невестка и свекровь, зять и теща, зять и тесть, сваты (родители мужа и жены по отношению друг к другу), мачеха и падчерица, отчим и пасынок, сводные братья и сестры, не имеющие ни общего отца, ни общую мать (например, дети супругов, рожденные в их предыдущих браках или вне брака) и т.п. Если в брак вступают лица, не имеющие родственников, отношений свойства не возникает. Свойство в отличие от родства представляет собой социальную связь между лицами, которая вторична по отношению к браку, следовательно, с прекращением брака (развод супругов, смерть одного из них) прекращается состояние свойства.

<sup>2</sup> Рабец А.М. Правовое регулирование отношений свойства на постсоветском пространстве // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. СПС «КонсультантПлюс».

Абсолютно очевидно, что лица, состоящие в духовно тесных отношениях, например, крестные родители ребенка, крестный(-ая) и ребенок, родители ребенка и его крестные отец и мать, не входят в группу свойственников, так как представляют собой отношения особого порядка, возникающие на основе религиозных, а не правовых норм. Именно по этой причине они не упоминаются в содержании семейного законодательства.

При обращении к нормам Семейного кодекса РФ становится бесспорным, что правовой статус свойственников (за небольшим исключением), не регламентируется, в отличие от стран бывшего Советского Союза, где в настоящее время данному правовому институту придается большое значение. Вместе с тем человеческие отношения, в том числе между лицами, связанными семейной преемственностью, весьма многообразны. Как правило, не только между супругами, близкими родственниками, но и свойственниками имеется особая моральная и материальная общность, стремление оказывать содействие друг другу в удовлетворении материальных и нематериальных потребностей. Следует констатировать, что современные молодые ученые придерживаются взглядов великого классика цивилистики Д.И. Мейера, который в свое время писал о том, что «браки производят сближение не только между супругами, но и между их родственниками...»<sup>3</sup>.

В СК РФ существует всего три статьи, которые законодательно в минимальном объеме и напрямую регулируют отношения между свойственниками — 97, 127 (ч. 3), 128 (п. 2). Первая норма посвящена вопросам алиментирования пасынками и падчерицами воспитавших их в своей семье отчима или мачехи; остальные две нормы — упрощенной процедуре усыновления отчимом и мачехой несовершеннолетних детей своего супруга.

Так, ст. 97 СК РФ устанавливает обязанности пасынков и падчериц по содержанию отчима и мачехи при наличии определенного юридического состава (указывая, что нетрудоспособные нуждающиеся в помощи отчим и мачеха, воспитывавшие и содержавшие надлежащим образом своих пасынков или падчериц не менее пяти лет, имеют право требовать в судебном порядке предоставления содержания от трудоспособных совершеннолетних пасынков или падчериц, обладающих необходимыми для этого средствами, если они не могут получить содержание от своих совершеннолетних трудоспособных детей или от супругов (бывших супругов).

В случаях, если отчим или мачеха воспитывали и содержали их менее пяти лет, а также если они выполняли свои обязанности по воспитанию или содержанию пасынков и падчериц ненадлежащим образом, суд вправе освободить последних от указанной имущественной обязанности.

Похожие нормы имеются в отдельных государствах постсоветского пространства — в ст. 85 СК Азербайджана<sup>4</sup>,

<sup>3</sup> Мороз О.Л. Свойственники как субъекты свидетельского иммунитета в гражданском процессе // Государственно-правовое регулирование интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Витебск, 2012. С. 156.

<sup>4</sup> Семейный кодекс Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 г. № 781-ІQ (в ред. от 17 октября 2014 г. № 1080-ІVQD) // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2000. № 3 (кн. I). Ст. 126.

в ст. 85 СК Армении<sup>5</sup>, в ст. 141 КоБС Казахстана<sup>6</sup>, в ст. 102 СК Кыргызстана<sup>7</sup>, в ст. 89 СК Молдовы<sup>8</sup>.

В словарях В. Даля, Д.Н. Ушакова термин «мачеха» толкуется как «жена отца по отношению к его детям от предыдущего брака (неродная мать)»<sup>9</sup>. Соответственно, отчим — это муж матери по отношению к ее детям от предыдущих браков (неродной отец). Пасынок и падчерица — это сын и дочь жены или мужа. Законодательного определения данных терминов не дается. Судебная практика по данному вопросу содержит следующее разъяснение, которое подлежит применению в наследственных правоотношениях: «К наследникам по закону седьмой очереди, призываемым к наследованию согласно пункту 3 статьи 1145 ГК РФ, относятся: пасынки и падчерицы наследодателя — неусыновленные наследодателем дети его супруга независимо от их возраста; отчим и мачеха наследодателя — не усыновивший наследодателя супруг его родителя (п. 29 Постановления от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»)»<sup>10</sup>.

Используя эти дефиниции из судебной практики, можно предложить следующие определения рассматриваемых понятий: «Пасынки и падчерицы — это неусыновленные в детском возрасте дети супруга (как кровные и усыновленные им); отчим или мачеха — это супруг матери или супруга отца ребенка, не усыновившие его до достижения им возраста совершеннолетия».

В научной литературе (как нам представляется — справедливо) отдельными авторами отмечается, что юридически некорректно употреблять в отношении отчима и мачехи словосочетание «если они выполняли свою обязанность по воспитанию и содержанию пасынка (падчерицы) ненадлежащим образом», что может явиться основанием для освобождения судом пасынка или падчерицы от алиментной обязанности<sup>11</sup>. Объясняется такая научная позиция тем, что действующее семейное законодательство не возлагает на отчима и мачеху обязанность по содержанию несовершеннолетних детей своего супруга или супруги, они приняли на себя эту обязанность добровольно исключительно как моральную, а потому не заслуживают упрека в ненадлежащем ее исполнении. В указанном случае, по мнению А.М. Рабца, можно говорить лишь о добросовестном или недобросовестном отношении к воспитанию и (или) содержанию либо о воспитании и (или) содержании надлежащим или ненадлежащим образом<sup>12</sup>.

<sup>5</sup> Семейный кодекс Республики Армения от 8 декабря 2004 г. № ЗР-123 (в ред. от 7 июля 2015 г. № ЗР-78) // Официальные ведомости Республики Армения. 2005. № 4 (376). Ст. 60.

<sup>6</sup> Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье от 26 декабря 2011 г. № 518-ІV ЗРК (в ред. от 3 декабря 2015 г. № 433-V ЗРК) // Казахстанская правда. 2012. № 6–7 (26825–26826).

<sup>7</sup> Семейный кодекс Киргизской Республики от 30 августа 2003 г. № 201 (в ред. от 14 июля 2015 г. № 161) // Эркин Тоо. 2003. № 68–69.

<sup>8</sup> Семейный кодекс Республики Молдова от 26 октября 2000 г. № 1316-XIV (в ред. от 14.06.2013 № 140) // Monitorul Oficial. 2001. № 47–48. Ст. 210. URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=15598>; <https://ushakov-dictionary.ru/word.php?wordid=29123>

<sup>10</sup> Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.

<sup>11</sup> Рабец А.М. Правовое регулирование отношений свойства на постсоветском пространстве // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. СПС «КонсультантПлюс».

<sup>12</sup> Рабец А.М. Указ. соч.

Объективности ради отметим, что в ранее действовавшем Кодексе о браке и семье РСФСР (далее – КоБС) существовала ст. 80, которая закрепляла обязанность отчима и мачехи содержать пасынков и падчериц, ненадлежащее исполнение которой закономерно выступало основанием для освобождения последних от алиментной обязанности в отношении отчима и мачехи в силу ст. 81 КоБС РСФСР.

Определенный научный интерес представляет положение ст. 80 КоБС РСФСР в части закрепления критериев, при наличии которых мачеха и отчим приобретали эту обязанность в отношении чужого ребенка, а именно:

- если пасынок (падчерица) находились у них на воспитании или содержании и не имеют родителей;
- или не могут получить достаточных средств на свое содержание от родителей.

Возможно, такие законоположения в большей степени отвечали той сложной исторической эпохе, для которой была характерна высокая степень беспризорности и сиротства.

Обращаем внимание, что действующее семейное законодательство не содержит указанных критериев так же, как не содержит самой обязанности отчима и мачехи содержать пасынка и падчерицу, поскольку в соответствии с действующими положениями Конституции РФ и основанном на ней семейным законодательством это исключительная обязанность родителей и усыновителей ребенка. Поэтому положение п. 2 ст. 97 СК РФ в части выполнения отчимом и мачехой своих обязанностей по воспитанию или содержанию пасынков и падчериц ненадлежащим образом не имеет логического смысла и может быть признано юридически некорректным.

Представляется, что оно было неаккуратно заимствовано из законодательства советской эпохи и, как следствие, в настоящее время не отвечает современным реалиям. В силу сказанного, по нашему мнению, необходимо в п. 2 ст. 97 СК РФ внести изменения уточняющего характера: «Суд вправе освободить пасынков и падчериц от обязанностей содержать отчима или мачеху, если последние воспитывали и содержали их менее пяти лет, а также если они это осуществляли ненадлежащим образом», тем самым исключив термин «обязанности» применительно к отчиму и мачехе из содержания правовой нормы.

Поэтому представляется, что наиболее правильно говорить о том, что лицо, совместно проживая вместе со своим супругом и его несовершеннолетним ребенком, не воспитывает и не содержит этого ребенка, а добровольно участвует в его воспитании и содержании, поскольку абсолютным правом и обязанностью воспитывать и содержать детей обладают его родители, усыновители и другие законные представители, в число которых не входят ни мачеха, ни отчим.

В силу указанного выше замечания целесообразно в п. 2 ст. 97 СК РФ внести изменения следующего содержания: «Суд вправе освободить пасынков и падчериц от обязанностей содержать отчима или мачеху, если последние принимали участие в их воспитании и содержании менее пяти лет...».

Что касается других норм, предусматривающих правовое регулирование отношений между свойственниками,

в частности между отчимом (мачехой) и пасынком, падчерицей, то в ст. 127 и 128 СК РФ закрепляются отдельные преимущества при усыновлении детей отчимом или мачехой, не требующие их специальной подготовки, наличия у них дохода, обеспечивающего усыновляемому ребенку прожиточный минимум, установленный в субъекте Российской Федерации, на территории которого проживают усыновители, а также разницы в возрасте между усыновителем и усыновляемым ребенком.

Тем самым законодательством для мачехи и отчима устанавливаются упрощенные условия усыновления несовершеннолетних пасынков и падчериц.

Существует еще одна статья в Семейном кодексе РФ, которая, по нашему мнению, наряду с названными выше нормами, также регламентирует отношения, приравняемые к отношениям между мачехой (отчимом) и пасынком (падчерицей). Речь идет о ст. 133 СК РФ, которая предусматривает обязательное согласие супруга усыновителя на усыновление ребенка в тех случаях, когда ребенок усыновляется не обоими супругами, а одним из них.

В рассматриваемой ситуации супруг – усыновитель ребенка приравнивается к правовому статусу кровного родителя, а другой супруг, не выступающий усыновителем, приравнивается к статусу мачехи или отчима ребенка, поскольку отсутствует правовая связь иного характера между усыновленным ребенком и мужем или женой усыновителя.

Вместе с тем законодатель не предусматривает в указанной ситуации для усыновленного ребенка прямой обязанности (аналогичной обязанности падчерицы и пасынка по содержанию их неродных родителей – отчима и мачехи) содержать супруга усыновителя, если последний воспитывал и содержал надлежащим образом усыновленного ребенка своего супруга не менее пяти лет, является нетрудоспособным и нуждающимся в помощи, что свидетельствует скорее не об отсутствии единообразного подхода при регулировании похожих по содержанию отношений, а о распространении ст. 97 СК РФ на рассматриваемые отношения между супругом усыновителя и усыновленным ребенком.

Считаем целесообразным ст. 97 СК РФ дополнить п. 3 следующего содержания: «Указанные в пунктах 1 и 2 положения распространяются на отношения супруга усыновителя и неусыновленных им детей».

Таким образом, с учетом всех предлагаемых изменений и дополнений ст. 97 СК РФ примет следующий вид:

«...2. Суд вправе освободить пасынков и падчериц от обязанностей содержать отчима или мачеху, если последние принимали участие в их воспитании и содержании менее пяти лет, а также если они это осуществляли ненадлежащим образом.

3. Указанные в пунктах 1 и 2 положения распространяются на отношения супруга усыновителя и неусыновленных им детей».

В заключение рассматриваемой проблемы остановимся на вопросе, являются ли свойственниками родственники граждан, фактически создавших семью, т.е. фактических сожителей.

Как правило, в качестве обязательных признаков семьи как правового института выступают совместное проживание (территориальный аспект семьи) и ведение общего хозяйства (экономический аспект семьи), а также взаимные семейные права и обязанности, ответственность ее членов (юридический аспект).

Фактическая семья не обладает последним аспектом, в силу чего на заданный выше вопрос следует дать отрицательный ответ. С другой стороны, в СК РФ существует статья 96, в которой установлена обязанность воспитанников содержать своих фактических воспитателей. Представляется, что эта норма может быть применена к отношениям, складывающимся в фактической семье – между одним из сожителей и кровными детьми другого сожителя, но это уже отношения иного рода и лиц, обладающих другим правовым статусом.

В литературе отмечается, что законодательство бывших союзных республик регулирует отношения свойства более продуманно по сравнению с законодательством Российской Федерации, что может свидетельствовать о наличии достаточных резервов для совершенствования института свойства в семейном праве РФ<sup>13</sup>.

<sup>13</sup> Рабец А.М. Указ. соч.

По мнению отдельных ученых<sup>14</sup>, российскому законодателью следует существенно расширить и детализировать правовое регулирование отношения свойства, учесть нормотворческий опыт Украины и других стран и более детально проработать правовое положение свойственников, установив возможность отчима (мачехи) обращаться в суд за защитой своего права на общение с ребенком, осуществлять защиту прав и интересов пасынка (падчерицы) при невозможности осуществления такой защиты со стороны родителей, что, на наш взгляд, в некоторой степени является достаточно спорным и дискуссионным, но тем не менее возможным.

Таким образом, по итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что правовое регулирование семейных отношений между свойственниками требует дальнейших разработок, совершенствования и корректировок, поскольку было неаккуратно заимствовано из семейного законодательства ушедшей в прошлое советской эпохи без учета основных принципов современного семейного права.

<sup>14</sup> Темникова Н.А. Реализация права ребенка на общение с близкими родственниками // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 79; Рабец А.М. Указ. соч.; и др.

#### Литература

1. Крашенинников П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? / П.В. Крашенинников // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–7.
2. Мороз О.Л. Свойственники как субъекты свидетельского иммунитета в гражданском процессе / О.Л. Мороз // Государственно-правовое регулирование интеграционных процессов на постсоветском пространстве: материалы Международной научно-практической конференции (г. Витебск, 20–21 апреля 2012 г.): сборник научных статей / ответственный редактор А.А. Бочков. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2012. С. 155–156.
3. Рабец А.М. Правовое регулирование отношений свойства на постсоветском пространстве / А.М. Рабец // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 19–21.
4. Темникова Н.А. Реализация права ребенка на общение с близкими родственниками / Н.А. Темникова // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 74–81.

## НОВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

### Минтрудом России разъяснено понятие «личная заинтересованность» в целях принятия мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов

Отмечается, что личная заинтересованность может быть связана не только с родственниками или свойственниками (родители, супруги, дети, братья, сестры, а также братья, сестры, родители, дети супругов и супруги детей), но и с иными лицами, с которыми у должностного лица либо его родственников или свойственников имеются имущественные, корпоративные или иные близкие отношения.

См.: Письмо Минтруда России от 05.11.2020 № 18-2/В-757 «О Методических рекомендациях по вопросам привлечения к ответственности должностных лиц за непринятие мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов»

Судьялар олий кенгаши  
Судьялар олий мактаби  
КУТУБХОНА  
Инвентар № \_\_\_\_\_  
\_\_\_\_\_ 20 \_\_\_\_ йил

## Гаагская конвенция о международном похищении детей: защита интересов ребенка или пренебрежение ими?

**Кравчук Наталья Вячеславовна,**  
старший научный сотрудник отдела правоведения  
Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН),  
кандидат юридических наук  
natkravchuk@mail.ru

В статье анализируются положения Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей применительно к принципу соблюдения наилучших интересов ребенка. Обращается внимание на соответствующую практику Европейского суда по правам человека, согласно которой интересы ребенка толкуются широко и не могут определяться путем применения общей правовой презумпции, и ее потенциальный конфликт с узким пониманием интересов ребенка, под которым понимается немедленное возвращение ребенка в государство обычного проживания. Обосновывается точка зрения о необходимости учета широкого толкования наилучших интересов ребенка при применении Гаагской конвенции.

**Ключевые слова:** Гаагская конвенция о международном похищении детей, наилучшие интересы ребенка, незамедлительное возвращение в государство постоянного проживания, Европейский суд по правам человека.

## The Hague Convention on International Child Abduction: The Protection or Neglect of a Child`s Interests?

**Kravchuk Natalya V.**  
Senior Research Scientist of the Department of Legal Studies of the Institute  
of Scientific Information for Social Sciences (INION РАН),  
PhD (Law)

The paper analyses provisions of Convention on the Civil Aspects of International Child Abduction with regard to a principle of the best interests of the child. The jurisprudence of the European Court of Human Rights on the best interests of the child dictates they should be interpreted broadly and cannot be identified by the application of the legal presumption. There is therefore a potential conflict between this reading and a narrow interpretation of this notion by the Hague convention according to which the best interest of the child in the case of international abduction is to return to the state of habitual residence. To secure the best interests of the child while applying Hague convention it is necessary to take into consideration respective international standards.

**Keywords:** the Hague convention on international child abduction, the best interests of the child, prompt return to the state of habitual residence, the European Court of Human Rights.

Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г. (Гаагская конвенция) – один из наиболее известных договоров в области защиты детей. Она действует в 101 стране мира<sup>1</sup>. Российская Федерация ратифицировала Гаагскую конвенцию в мае 2011 г.<sup>2</sup>, т.е. почти десять лет назад. За этот период стало очевидно, что механизм, предусмотренный

этим договором, востребован и в нашей стране. Количество дел о возвращении похищенного ребенка в место его постоянного проживания, рассматриваемых в России, растет. Согласно обзору судебной практики по этим делам, подготовленному Верховным Судом РФ в конце 2019 г., в 2016 г. было рассмотрено 13 таких дел, в 2017 г. – 26 дел, в 2018 г. – уже 32 дела<sup>3</sup>. Достаточный объем дел позволил Верховному суду отметить тенденции применения Конвенции в России. Ученые, следящие за судебными решениями в

<sup>1</sup> Status table. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=24> (дата обращения: 13.10.2020).

<sup>2</sup> Федеральный закон от 31 мая 2011 г. № 102-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3242.

<sup>3</sup> Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 декабря 2019 г.) // СПС «Гарант».

этой области, отмечают, что они продолжают преподносить сюрпризы<sup>4</sup>. Это связано, помимо прочего, и с тем, что Гагская конвенция не является простой для понимания, в силу использования в ней понятий, не совпадающих с понятиями, применяемыми в национальном праве стран-участниц<sup>5</sup>. Преодолеть вызванные этим сложности, как отмечается, невозможно без понимания смысла документа<sup>6</sup>.

Целью Гагской конвенции является обеспечение незамедлительного возвращения детей, незаконно перемещенных в любое из договаривающихся государств либо удерживаемых в нем, а также соблюдения прав опеки над ребенком и доступа к ребенку, предусмотренных законодательством одного договаривающегося государства, в других договаривающихся государствах. О.А. Хазова отмечает, что Гагская конвенция исходит из необходимости как можно более быстрого возвращения незаконно перемещенного или удерживаемого ребенка в страну его постоянного (обычного) проживания, поскольку неожиданное и часто насильственное перемещение ребенка из места, где он привык находиться, разлучение с родителем и часто — с другими близкими родственниками нарушает его интересы<sup>7</sup>. Очевидно, что чем скорее восстановится обычная жизнь ребенка, тем меньше он будет травмирован<sup>8</sup>.

Положение о том, что «интересы детей являются проблемой первостепенного значения в вопросах, касающихся опеки над ними», закреплено в преамбуле Гагской конвенции. Отметим, что это упоминание интересов ребенка «старше», чем принцип «наилучших интересов ребенка», закрепленный в Конвенции ООН по правам ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН в 1989 г. Однако, рассуждая о защите интересов ребенка в ситуации его похищения одним из родителей, не следует игнорировать всю совокупность стандартов толкования и применения концепции «наилучших интересов ребенка», выработанных в международном праве.

Согласно одному из ключевых стандартов в этой области, наилучшие интересы ребенка не могут быть определены путем применения общей правовой презумпции. Важно определить интересы ребенка в каждом конкретном случае. Этот подход был выработан Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ, Европейский Суд) в деле *Schneider v Germany*<sup>9</sup>, и в дальнейшем неоднократно применялся в

том числе и в делах против России<sup>10</sup>. Он использовался и в делах, где шла речь о международном похищении ребенка.

Лех Гарлицки, в прошлом — судья ЕСПЧ, отмечает, что Суд всегда дружелюбно относился к инструментам международного права, в частности правилам и принципам международного права, применимым в отношениях между сторонами Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ)<sup>11</sup>. В своих постановлениях он ссылается и на Гагскую конвенцию. В то же время ЕСПЧ не связан ее положениями. В своем стремлении применить все значимые нормы он не должен забывать о своей основной миссии — обеспечении соблюдения обязательств, установленных ЕКПЧ. Казалось бы, в контексте защиты прав ребенка противоречий между Гагской конвенцией и ЕКПЧ и соответствующей практикой ЕСПЧ нет и быть не может, поскольку оба механизма признают первостепенную важность интересов ребенка. Однако более глубокий анализ позволяет заметить фундаментальную разницу в толковании ими этого понятия и мер, необходимых для обеспечения интересов ребенка.

Что касается Гагской конвенции, то она была задумана как инструмент, направленный на защиту прав детей, а не взрослых<sup>12</sup>. Она сконструирована таким образом, чтобы обеспечить ребенку возможность жить дома, и в привычном окружении ожидать разрешения спора между его родителями относительно прав опеки. Интересы ребенка, соответственно, толкуются узко — под ними понимается его безотлагательное возвращение в государство постоянного проживания.

Есть еще одна причина, почему возвращение ребенка должно производиться без задержек, и она также связана с защитой интересов ребенка, хотя и в более длительной перспективе. Речь идет о ст. 12 Гагской конвенции, которая связывает возможность отказа в возвращении ребенка с его адаптацией в новой среде. С тем чтобы предотвратить получение родителем, похитившим ребенка, преимущества, связанного с тем, что ребенок отвык от места своего обычного проживания, власти должны действовать максимально быстро<sup>13</sup>. Таким образом, ключевым условием соблюдения Гагской конвенции является именно незамедлительное возвращение ребенка. Оно априори признается «в интересах ребенка» и, по сути, может рассматриваться

<sup>4</sup> Хазова О.А. Принцип 6 Декларации ООН прав ребенка 1959 года в контексте Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 6. С. 203.

<sup>5</sup> Хазова О.А., Шелютто М.Л., Матвеева М.В., Кравчук Н.В. Сопоставительный анализ положений Гагских конвенций о защите прав детей и российского права // Гагские конвенции о защите детей в Российской Федерации. Применение, исполнение и возможное присоединение. М.: Центр ЮрИнФОР, 2013. С. 178.

<sup>6</sup> Громоздина М.В. Возвращение ребенка: проблемы международного урегулирования спорных вопросов // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 3А. С. 106.

<sup>7</sup> Хазова О.А. Принцип 6 Декларации ООН прав ребенка 1959 года в контексте Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 6. С. 203.

<sup>8</sup> Ibid. С. 204.

<sup>9</sup> Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 сентября 2011 г. «Дело «Шнейдер против Германии» [*Schneider v. Germany*] (жалоба № 17080/07) // СПС «Гарант».

<sup>10</sup> См., например: П. 67 Постановления ЕСПЧ от 16 июля 2015 г. «Дело «Назаренко (*Nazarenko*) против Российской Федерации» (жалоба № 39438/13), касавшийся «полного и автоматического» исключения заявителя из жизни дочери на основании негибкости внутреннего законодательства. В качестве общих мер исполнения данного постановления Министерством образования и науки РФ была создана рабочая группа по разработке соответствующих изменений в семейном законодательстве (Action plan on the measures for the execution of the judgment of the European Court of human rights in case no. 39438/13 *Nazarenko v. Russia*. 28/09/2016. URL: [https://hudoc.exec.coe.int/eng#%7B%22EXECIdentifier%22:%7B%22DH-DD\(2016\)1107E%22%7D%7D](https://hudoc.exec.coe.int/eng#%7B%22EXECIdentifier%22:%7B%22DH-DD(2016)1107E%22%7D%7D)) (дата обращения: 15.10.2020).

<sup>11</sup> Garlicki L. Two conventions and one regulation (on human rights aspects of international child abduction // Essays in honour of Dean Spielmann. Oisterwijk: Wolf legal publishers, 2015. P. 228.

<sup>12</sup> Хазова О.А. Принцип 6 Декларации ООН прав ребенка 1959 года в контексте Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 6. С. 212.

<sup>13</sup> Silvis J. Prevention of child abduction: return to the state of origin // Essays in honour of Dean Spielmann. Oisterwijk: Wolf legal publishers, 2015. P. 604.

в качестве той самой «правовой презумпции», против которой выступал ЕСПЧ в своих постановлениях.

Подход ЕСПЧ к делам о международном похищении детей совершенно иной. Он отмечает, что обязанности, возлагаемые на договаривающееся государство ст. 8 ЕКПЧ (право на частную и семейную жизнь), должны толковаться в свете требований Гагской конвенции<sup>14</sup>, и признает, что позитивное обязательство государств, выражающееся в принятии мер, способных обеспечить незамедлительное воссоединение похищенного ребенка и родителя, пронизывает данную категорию дел<sup>15</sup>. При этом он отмечает принципиальность установления баланса между интересами разных сторон – ребенка, его родителей и общества, и настаивает на том, что несоблюдение при рассмотрении дел о похищении ребенка определенных процессуальных условий, выработанных им в рамках ст. 6 (право на справедливый суд) и 8, может привести к нарушению ЕКПЧ<sup>16</sup>.

Установление баланса интересов сторон, между тем, требует более тщательного изучения всех обстоятельств дела, чем прояснение вопроса о наличии или отсутствии оснований для возвращения ребенка. Соблюдение упомянутых процессуальных условий национальными судами также может замедлить процесс возвращения ребенка. А чем больше времени займут судебные процедуры, тем больше шансов у родителя, похитившего ребенка, получить опеку над ним в дальнейшем<sup>17</sup>.

В связи с этим возникает вопрос: на самом ли деле ЕСПЧ разделяет философию Гагской конвенции? По мнению Й. Силвиса, в прошлом также судьи ЕСПЧ, хотя соблюдение наилучших интересов ребенка заявлено в качестве принципа Гагской конвенции, он не применим к определению меры временного характера, которой является возвращение ребенка в страну обычного проживания. Применение этого принципа при рассмотрении данного вопроса не только будет отступлением от изначального текста Гагской конвенции, но и подорвет изначальный его замысел<sup>18</sup>. А вот ЕСПЧ толкует наилучшие интересы ребенка широко и, в соответствии с пониманием, вкладываемым в это понятие Конвенцией ООН по правам ребенка<sup>19</sup>, требует их учета при разрешении всех вопросов, его затрагивающих. Столь разные подходы не только не содействуют усилению защиты ребенка, но и могут ее ослабить, поскольку вводят в замешательство национальные суды.

Необходимо отметить, что такая практика в делах о похищении ребенка установилась в ЕСПЧ не сразу. Аргументы, приводимые родителем, похитившим ребенка, он стал рассматривать лишь во второй половине 2000-х годов.

<sup>14</sup> П. 77 Постановления ЕСПЧ от 18 июня 2019 г. «Дело «Владимир Ушаков (Vladimir Ushakov) против Российской Федерации»» (жалоба № 15122/17) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>15</sup> Павлов А.А. Международное похищение детей: позитивные обязательства государств // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 501.

<sup>16</sup> П. 95-96 Постановления ЕСПЧ от 26 ноября 2013 г. «Дело «Х (X) против Латвии»» (жалоба № 27853/09) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>17</sup> Silvis J. Op. cit. P. 609, 613.

<sup>18</sup> Silvis J. Op. cit. P. 608.

<sup>19</sup> Кравчук Н.В. «Интересы ребенка» в международном и российском праве: сравнительный анализ доктрины и практика применения // Государство и право. 2020. № 2. С. 107–116.

До этого принимались постановления о неприемлемости таких жалоб, обоснованные необходимостью обеспечить быстрое возвращение ребенка<sup>20</sup>. И только в деле *Maumousseau and Washington v. France*<sup>21</sup> суд рассмотрел аргументы родителя, похитившего ребенка, включая вопрос интересов ребенка, по существу. Стандарт необходимости «тщательного исследования (in-depth examination) всей ситуации» национальными судами (пара. 74), установленный в этом деле, было смягчен в деле *X v. Latvia*, где ЕСПЧ подчеркнул, что «должен удовлетвориться тем, что процесс принятия решения был справедливым и позволил сторонам представить свою позицию в полном объеме, и тем, что были защищены наилучшие интересы ребенка» (пара. 102). Этот подход подразумевает необходимость соблюдения интересов ребенка в широком смысле и имеет большое практическое значение, поскольку проясняет, насколько детально национальные суды должны изучать обстоятельства дела.

Отметим, что понимание, что наилучший интерес ребенка в случае его похищения заключается в «восстановлении *status quo* посредством принятия решения о его незамедлительном возвращении в страну обычного проживания»<sup>22</sup>, не единственный случай презумпции определенных наилучших интересов ребенка в практике ЕСПЧ. К подобным можно отнести здоровье и развитие ребенка (см., помимо прочего, *K. and T. v Finland*<sup>23</sup>, para. 155) и семейное воспитание и сохранение семейных связей (*Olsson v. Sweden (no. 1)*, para. 59, *Hokkanen v. Finland*<sup>24</sup>, para. 58). Эти интересы априори расцениваются как наилучшие, за исключением случаев, когда об ином свидетельствуют обстоятельства конкретного дела. Эти обстоятельства подлежат установлению в рамках рассмотрения дела на национальном уровне. В контексте международного похищения ребенка речь идет об адаптации ребенка, неосуществлении прав опеки, отсутствии возражений родителя, осуществлявшего заботу о ребенке до перемещения, серьезном риске причинения вреда ребенку, возражении ребенка против возвращения и нарушении основополагающих принципов запрашивающего государства (ст. 12, 13 и 20 Гагской конвенции). Смягчение принципа скорейшего возвращения ребенка рядом оснований отступления от него, при должном их рассмотрении национальными судами, делает его применение не автоматическим, что смягчает конфликт толкования интересов ребенка Гагской конвенцией и ЕСПЧ. Достаточно ли этого для того, чтобы заключить, что Гагская конвенция защищает наилучшие интересы ребенка?

Одним из презюмируемых наилучших интересов ребенка, являющимся одновременно и основополагающим принципом Конвенции ООН о правах ребенка (ст. 12),

<sup>20</sup> Garlicki L. Op. cit. P. 223.

<sup>21</sup> Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 декабря 2007 г. «Дело «Момуссо и Уошингтон против Франции» [Maumousseau and Washington v. France]» (жалоба № 39388/05) // СПС «Гарант».

<sup>22</sup> Постановление ЕСПЧ от 18 июля 2017 г. «Дело «Макилрот (McIlwrath) против Российской Федерации»» (жалоба № 60393/13) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>23</sup> Постановление ЕСПЧ от 12 июля 2001 г. «Дело «К. и Т. против Финляндии»» (жалоба № 25702/94) // СПС «Гарант».

<sup>24</sup> Постановление ЕСПЧ от 23 сентября 1994 г. «Дело Хокканен против Финляндии (Hokkanen v. Finland)» (жалоба № 19823/92) // СПС «КонсультантПлюс».

признается его право на выражение мнения. ЕСПЧ неоднократно отмечал важность участия ребенка в процессе принятия решений по затрагивающим его вопросам<sup>25</sup>. Это право должно обеспечиваться и при разрешении вопроса о возвращении ребенка в государство обычного проживания при его незаконном перемещении. Подобное требование в Гагской конвенции отсутствует. Норма о необходимости учета мнения ребенка при разрешении вопроса о возвращении ребенка сформулирована более узко и касается случаев, когда «ребенок возражает против возвращения» (ст. 13 в Гагской конвенции).

Обзор практики рассмотрения российскими судами дел о возвращении ребенка на основании Гагской конвенции, к сожалению, не дает представления о том, учитывалось ли мнение ребенка в ситуациях, когда он высказывал желание вернуться в место постоянного проживания<sup>26</sup>. При этом, как в нем отмечается, принимая решение об учете мнения ребенка, российские суды продолжают руководствоваться не только Конвенцией ООН о правах

ребенка, но и ст. 57 Семейного кодекса РФ. Это может негативно сказаться на защите прав ребенка, поскольку закрепленное в ней положение о том, что в обязательном порядке подлежит учету лишь мнение ребенка, достигшего возраста 10 лет, не согласуется с международными стандартами, согласно которым государственные органы должны продемонстрировать, что мнение было услышано и принято во внимание вне зависимости от возраста ребенка. С другой стороны, следует отметить очевидный прогресс в области применения положения ст. 12 Конвенции ООН о правах ребенка о двойном критерии возраста – зрелости. Российские суды все чаще обращают внимание именно на зрелость ребенка.

Подводя итог, следует отметить, что отсутствие в Гагской конвенции положений, дублирующих международные стандарты в области наилучших интересов ребенка, не означает их неприменимость в делах о международном похищении детей. Гагская конвенция не является исключением из общего режима международно-правовой защиты ребенка. Ее положения должны толковаться на основе Конвенции по правам ребенка ООН и практики ЕСПЧ. Только тогда можно будет говорить о полноценной защите интересов ребенка в ситуациях его незаконного перемещения или удержания.

<sup>25</sup> См., например, Постановление ЕСПЧ от 8 июля 2003 г. «Дело "Зоммерфельд против Германии"» (жалоба № 31871/96) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>26</sup> Обзор практики рассмотрения судами дел о возвращении ребенка на основании Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 декабря 2019 г.) // СПС «Гарант».

#### Литература

1. Громоздина М.В. Возвращение ребенка: проблемы международного урегулирования спорных вопросов / М.В. Громоздина // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 3А. С. 105–113.
2. Кравчук Н.В. «Интересы ребенка» в международном и российском праве: сравнительный анализ доктрины и практика применения / Н.В. Кравчук // Государство и право. 2020. № 2. С. 107–116.
3. Павлов А.А. Международное похищение детей: позитивные обязательства государств / А.А. Павлов // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 497–507.
4. Хазова О.А. Принцип 6 Декларации ООН прав ребенка 1959 года в контексте Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года / О.А. Хазова // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 6. С. 202–220.
5. Хазова О.А. Сопоставительный анализ положений Гагских конвенций о защите прав детей и российского права / О.А. Хазова, М.Л. Шелютто, М.В. Матвеева, Н.В. Кравчук // Гагские конвенции о защите детей в Российской Федерации. Применение, исполнение и возможное присоединение / принимали участие Керстин Нитхаммер-Юргенс [и др.]. Москва : Центр ЮрИнфоР, 2013. С. 174–226.

#### References

6. Garlicki L. Two conventions and one regulation (on human rights aspects of international child abduction) / L. Garlicki // Casadevall J. Essays in honour of Dean Spielmann / J. Casadevall. Oisterwijk : Wolf legal publishers, 2015. P. 217–227.
7. Silvis J. Prevention of child abduction: return to the state of origin / J. Silvis // Casadevall J. Essays in honour of Dean Spielmann / J. Casadevall. Oisterwijk : Wolf legal publishers, 2015. P. 603–614.

#### Внимание! Акция декабря!

Сообщаем, что только в период с 1 по 31 декабря 2020 года при оформлении годовой подписки на журнал «Безопасность бизнеса» скидка составит 30%! Спешите оформить подписку!

По вопросу оформления подписки просим обращаться по тел.: 8 (495) 617-18-88 – многоканальный; 8-800-333-28-04 (по России бесплатно) или по электронной почте: [podpiska@lawinfo.ru](mailto:podpiska@lawinfo.ru)

## Правовые особенности попечения ребенка несовершеннолетних родителей с неполным родительским статусом

**Леканова Екатерина Евгеньевна,**  
соискатель Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова,  
магистр права  
lekanova.katya@yandex.ru

Несмотря на наличие в современном российском законодательстве норм, посвященных правовому положению несовершеннолетних родителей, множество правовых вопросов, касающихся реализации и защиты прав, обязанностей, интересов несовершеннолетнего родителя, его ребенка, остались за рамками семейно-правового регулирования, что обостряет и без того сложную проблему правового статуса раннего родительства. Помимо этого, положения норм ст. 62 Семейного кодекса РФ весьма негармонично сочетаются с правилами опеки над несовершеннолетними. Целью настоящей статьи является анализ законодательства, посвященного правовому положению несовершеннолетних родителей и опекунов, выявление правовых особенностей попечения ребенка несовершеннолетних родителей.

Автор приходит к выводу, что к особенностям попечения ребенка несовершеннолетних родителей, кроме возраста одного или обоих родителей, в случае назначения опекуна относятся: сочетание родительства и опеки; неординарные возможности по попечению ребенка у несовершеннолетнего родителя, не способного самостоятельно осуществлять такое попечение, и у законного представителя ребенка несовершеннолетнего родителя; специальные (дополнительные) основания прекращения опеки над ребенком несовершеннолетних родителей; необходимость совместного проживания опекуна не только с опекаемым ребенком, но и с его родителем. Нормы п. 2 ст. 62 СК РФ и ч. 2 ст. 29 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» должны быть скорректированы. Предлагается ввести особые правила выбора опекуна ребенка несовершеннолетнего родителя, которые бы обеспечивали должным образом право несовершеннолетнего родителя на совместное проживание с ребенком.

**Ключевые слова:** ребенок, несовершеннолетние родители, опека, законный представитель, совместное проживание, основания прекращения опеки.

## Legal Peculiarities of Child Custody of Minor Parents with an Incomplete Parental Status

**Lekanova Ekaterina E.**  
Degree-Seeking Student of the P.G. Demidov Yaroslavl State University  
LL.M.

Despite the existence of an article in modern Russian legislation on the legal status of minor parents, many legal issues related to the implementation and protection of the rights, duties, interests of a minor parent and his child remained outside family legal regulation, which exacerbates the already difficult problem of legal protection of early parenthood. Moreover, the provisions of Article 62 of the Family Code of the Russian Federation are very inharmoniously combined with the rules of guardianship of minors. The aim of the work is to analyze the legislation on the legal status of minor parents and guardians, to identify the legal characteristics of the care of a child of minor parents.

The author concludes that the features of the care of a child of minor parents, in addition to the age of one or both parents, in the case of the appointment of a guardian include: a combination of parenthood and guardianship; unequal opportunities for the care of a child by a minor parent who is not able to independently provide care, and by the legal representative of the child of the minor parent; special (additional) grounds for terminating guardianship of a child of minor parents; the need for the guardian to live together not only with the child in care, but also with his parent. The norms of paragraph 2 of article 62 of the Family Code of the Russian Federation and paragraph 2 of article 29 of the Federal law «On Guardianship and Custodianship» should be adjusted. It is proposed to introduce special rules for the selection of the guardian of a child of a minor parent, which would properly ensure the right of the minor parent to live together with the child.

**Keywords:** child, minor parents, guardianship, legal representative, cohabitation, grounds for termination of guardianship.

К несовершеннолетним родителям, не способным самостоятельно осуществлять попечение ребенка, по смыслу нормы ст. 62 СК РФ относятся: а) несовершеннолетние родители, не приобретшие полной граждан-

ской дееспособности, достигшие шестнадцати лет, но не изъявившие желания самостоятельно осуществлять родительские права и обязанности; б) несовершеннолетние родители, не вступавшие в брак, не достигшие

шестнадцати лет<sup>1</sup>. При этом дополнительным условием назначения опеки детям указанных родителей является то, что оба родителя ребенка не имеют способности к родительскому попечению. Если хотя бы один из родителей обладает родительскими правами и обязанностями в полном объеме, то опекун в таком случае не назначается.

В связи с возможностью участия несовершеннолетнего родителя, не способного самостоятельно осуществлять попечение, в воспитании собственного ребенка опека над ребенком несовершеннолетних родителей имеет ряд отличительных особенностей на фоне традиционной опеки над несовершеннолетними.

1. Главной особенностью попечения ребенка таких несовершеннолетних родителей, не способных самостоятельно осуществлять попечение (при отсутствии у ребенка второго родителя, обладающего статусом родителя в полном объеме), является **сочетание родительства и опеки**, в связи с чем такое попечение можно назвать *опекунско-родительским*.

Традиционно формами попечения ребенка выступают либо родительство, либо усыновительское попечение, либо опека (попечительство). При традиционной опеке родители ребенка не являются законными представителями ребенка и не имеют правовой или фактической возможности по воспитанию ребенка (п. 1 ст. 71, п. 1 ст. 74, п. 2 ст. 148.1, п. 1 ст. 121 СК РФ). Однако в анализируемом случае происходит сочетание родительства и опеки с преобладанием опеки, так как несовершеннолетние родители, ребенку которых назначается опекун, наделены возможностью участвовать в воспитании ребенка, однако, в отличие от опекуна своего ребенка, не являются законными представителями ребенка. По смыслу п. 4 и п. 6 ст. 148.1 СК РФ опекун обладает преимущественным правом на воспитание подопечного ребенка перед всеми другими лицами (в том числе и перед несовершеннолетними родителями).

2. Как правило, при попечении ребенка лица, ответственные за него, наделены равными возможностями по попечению. В свою очередь, несовершеннолетний родитель, не способный самостоятельно осуществлять попечение, и законный представитель ребенка несовершеннолетнего родителя обладают **неравными возможностями по попечению**. Такой несовершеннолетний родитель имеет лишь охраняемый законом интерес в воспитании своего ребенка, не является законным представителем ребенка и не имеет обязанности по его содержанию (содержание детей, находящихся под опекой, осуществляется из региональных бюджетов (п. 3 ст. 148 СК РФ), а содержание детей, законным представителем которых является второй родитель, — за счет такого родителя).

О том, что несовершеннолетний родитель, не способный самостоятельно осуществлять попечение, имеет лишь охраняемый законом интерес в воспитании своего ребенка, а не полноценное право на воспитание, свидетельствуют следующие положения законодательства. Во-первых, отличие охраняемого законом интереса в своем поведении от субъективного права на свое поведение является то,

<sup>1</sup> См.: Кнороз А.И. Прекращение опеки над детьми несовершеннолетних родителей // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 23.

что по смыслу норм ст. 9 и ст. 10 ГК РФ, ст. 7 СК РФ, ст. 1 ЖК РФ граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им права, если иное не предусмотрено законом. Опекун вправе самостоятельно (без достижения согласия по этому поводу с несовершеннолетним родителем) определять способы воспитания подопечного ребенка, не противоречащие интересам ребенка (абз. 2 п. 6 ст. 148.1 СК РФ). В то же время несовершеннолетний родитель, не способный самостоятельно осуществлять попечение ребенка, осуществляет воспитание ребенка *по чужому усмотрению* — усмотрению опекуна<sup>2</sup>. Во-вторых, субъективному праву на свое поведение корреспондирует обязанность всех других лиц не препятствовать осуществлению указанного права, а законному интересу на свое действие (бездействие) — обязанность других лиц, кроме обладателя «одноименного» права (права на аналогичное действие (бездействие)), не вмешиваться в реализацию соответствующего интереса<sup>3</sup>. Ребенок, находящийся под опекой, проживает по месту жительства законного представителя (п. 2 ст. 20 ГК РФ), в то же время опекун вправе (но не обязан, за исключением случая, если он является одновременно и законным представителем несовершеннолетнего родителя) проживать совместно с несовершеннолетним родителем и (или) предоставлять доступ к ребенку для общения, если решит, что это отвечает интересам ребенка (п. 5 ст. 148.1 СК РФ)<sup>4</sup>. Аналогичное правовое положение имеют несовершеннолетние родители, единственным законным представителем ребенка которых является второй родитель ребенка.

3. По действующему законодательству **специальными основаниями прекращения опеки над ребенком несовершеннолетних(-его) родителей(-я)** являются достижение 16 лет родителем при изъявлении им желания осуществлять родительские права и обязанности (п. 2 ст. 62 СК РФ) либо приобретение им полной гражданской дееспособности (ч. 2 ст. 29 Федерального закона «Об опеке и попечительстве»). Однако некоторые правоведы расценивают нормы п. 2 ст. 62 СК РФ и ч. 2 ст. 29 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» как взаимоисключающие<sup>5</sup>, а не как взаимодополняющие, в связи с чем считаем необходимым устранение пробелов в обеих анализируемых нормах<sup>6</sup>.

4. Участие несовершеннолетнего родителя в воспитании ребенка, находящегося под опекой, предполагает

<sup>2</sup> См.: Леканова Е.Е. Охраняемый законом интерес на воспитание // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 112, 114–116.

<sup>3</sup> См.: Абрамова О.В. Законный интерес как категория права и специфика его проявления в трудовом праве // Журнал российского права. 2007. № 8. С. 8–9; Барышникова Т.Ю. Формы и способы защиты трудовых прав и охраняемых законом интересов в российском трудовом праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2005. С. 14; Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. М.: НОРМА, 2008. С. 122.

<sup>4</sup> См.: Леканова Е.Е. Законный интерес несовершеннолетних родителей в воспитании ребенка // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11 (108). С. 39–40.

<sup>5</sup> См.: Фетисова О.В. Виды и формы опеки (попечительства) // Право и политика. М., 2009. № 6 (114). С. 1307; Величкова О.И. Опека над детьми несовершеннолетних родителей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 45.

<sup>6</sup> См.: Леканова Е.Е. Основания прекращения опеки над детьми несовершеннолетних родителей // Государство, право и общество: вопросы теории и практики: материалы первой Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. В.И. Скрабин. Сочи, 2019. С. 110.

**совместное проживание опекуна не только с опекаемым ребенком, но и с его родителем.**

По смыслу нормы п. 2 ст. 20 ГК РФ местом жительства малолетнего ребенка несовершеннолетних родителей, не обладающих полной родительской правоспособностью, является место жительства законных представителей, в анализируемом случае – опекуна. В связи с чем опекун обязан проживать с несовершеннолетним подопечным (п. 2 ст. 36 ГК РФ). В то же время несовершеннолетние родители имеют право совместно проживать с ребенком (п. 1 ст. 62 СК РФ), и сам ребенок в силу ст. 54 СК РФ имеет право проживать со своими родителями, насколько это возможно, вне зависимости от того, являются ли они его законными представителями или нет. Следовательно, для того чтобы норма п. 1 ст. 62 СК РФ была «рабочей», опекун должен проживать не только с опекаемым ребенком, но и с его несовершеннолетним родителем. Однако законодатель не закрепляет подобной обязанности за опекуном; это создает «почву» для ущемления интересов несовершеннолетнего родителя. Столь мощная дополнительная нагрузка (в виде чужой семьи в доме) на опекуна и членов его семьи не может оцениваться положительно, поэтому, насколько это возможно, опекун должен быть близким человеком или родственником несовершеннолетних родителей.

А.Е. Казанцева, Е.П. Титаренко имеют следующую позицию по рассматриваемому вопросу: «Назначать ребенку самостоятельного опекуна нет необходимости. Рождение ребенка несовершеннолетней мамой должно быть таким обстоятельством, которое автоматически изменяет семейно-правовое положение ее законных представителей. Именно они и должны назначаться опекунами. Только если по какой-то уважительной причине не могут быть опекунами ребенка, или не хотят этого, либо они не могут быть назначены опекунами, опекуном ребенку несовершеннолетней мамы может быть назначено иное лицо»<sup>7</sup>. Н.Н. Тарусина отмечает, что в норме п. 2 ст. 62 СК РФ речь идет о назначении опекуна ребенку не состоящих в браке родителей, не достигших возраста 16 лет: очевидно, что орган опеки и попечительства по общему правилу обращается в этом случае к фигуре родителей этих несовершеннолетних родителей, т.е., по сути, к бабушкам или дедушкам. Выстраивается своеобразная попечительская лестница: родители продолжают оставаться попечителями своих несовершеннолетних чад и одновременно становятся (или кто-то из них) опекунами внебрачных детей этих чад, осуществляя с последними совместное воспитание детей своих детей, т.е. своих внуков или внучек<sup>8</sup>. О.И. Величкова, оперируя тем, что по общему правилу (ч. 6 ст. 10 Федерального закона «Об опеке и попечительстве») у гражданина, нуждающегося в опеке, может быть только один опекун, предлагает в качестве кандидатуры на данную роль мать несовершеннолетней матери (в случае ее согласия и соответствия требованиям, предъявляемым к статусу опекуна),

поскольку именно женщина обычно берет на себя труд по воспитанию своих внуков, а мать отца ребенка, рожденного от несовершеннолетней, может юридически отсутствовать ввиду нередкого неустановления отцовства конкретного мужчины<sup>9</sup>. Таким образом, в юридической литературе доминирует подход к возложению роли опекуна на одного или нескольких законных представителей несовершеннолетней матери, преимущественно – на бабушку.

На наш взгляд, данный подход является прогрессивным в части обращения к фигуре(-ам) законного(-ых) представителя(-ей) несовершеннолетнего родителя, но его недостатком является отсутствие гендерной нейтральности, хотя, безусловно, когда в сумме со стороны родителей может насчитываться около четырех представителей, то установление преимущественного права на опеку становится актуальным. Однако оно не должно в первую очередь основываться на гендерных факторах. На наш взгляд, опекуна должны выбирать органы опеки и попечительства, ориентируясь на желание стать опекуном, место жительства ребенка, занятость потенциальных опекунов, взаимоотношения законных представителей с несовершеннолетними родителями и иные факторы, которыми руководствуется суд в бракоразводном процессе при определении места жительства ребенка при раздельном проживании родителей.

Таким образом, к особенностям попечения ребенка несовершеннолетних родителей, кроме возраста одного или обоих родителей, в случае назначения опекуна относятся: сочетание родительства и опеки; неодинаковые возможности по попечению ребенка у несовершеннолетнего родителя, не способного самостоятельно осуществлять попечение, и у законного представителя ребенка несовершеннолетнего родителя; специальные (дополнительные) основания прекращения опеки над ребенком несовершеннолетних(-его) родителей(-я); необходимость совместного проживания опекуна не только с опекаемым ребенком, но и с его родителем.

В свою очередь, законодательство нуждается в усовершенствовании в следующих аспектах. 1. Нормы п. 2 ст. 62 СК РФ и ч. 2 ст. 29 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» должны быть скорректированы и содержать одинаковый и полный перечень специальных оснований прекращения опеки над ребенком несовершеннолетних родителей. 2. Для того, чтобы право на совместное проживание с ребенком, принадлежащее несовершеннолетнему родителю, ребенку которого назначен опекун, имело реальное правовое обеспечение, опекуном ребенка несовершеннолетнего родителя должен назначаться один из законных представителей несовершеннолетнего родителя. Другое лицо должно назначаться опекуном в случае несогласия законных представителей несовершеннолетних родителей стать опекуном или несоответствия их требованиям, устанавливаемых опекунам. При выборе опекуна орган опеки и попечительства должен учитывать мнение несовершеннолетнего родителя, совместное проживание с несовершеннолетними родителями, личные качества несовершеннолетнего родителя, его материальное и семейное положение, график работы.

<sup>7</sup> Казанцева А.Е., Титаренко Е.П. Права несовершеннолетних родителей // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 13.

<sup>8</sup> См.: Тарусина Н.Н. Бабушки и дедушки как субъекты семейного права // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 21.

<sup>9</sup> См.: Величкова О.И. Семейно-правовое положение несовершеннолетних родителей по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 64.

## Литература

1. Абрамова О.В. Законный интерес как категория права и специфика его проявления в трудовом праве / О.В. Абрамова // Журнал российского права. 2007. № 8. С. 3–11.
2. Барышникова Т.Ю. Формы и способы защиты трудовых прав и охраняемых законом интересов в российском трудовом праве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Т.Ю. Барышникова. Пермь, 2005. 29 с.
3. Величкова О.И. Опекунство над детьми несовершеннолетних родителей / О.И. Величкова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 41–46.
4. Величкова О.И. Семейно-правовое положение несовершеннолетних родителей по законодательству Российской Федерации : диссертация кандидата юридических наук / О.И. Величкова. Москва, 2006. 177 с.
5. Казанцева А.Е. Права несовершеннолетних родителей / А.Е. Казанцева, Е.П. Титаренко // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 11–14.
6. Кнороз А.И. Прекращение опеки над детьми несовершеннолетних родителей / А.И. Кнороз // Семейное и жилищное право. 2012. № 4. С. 22–25.
7. Леканова Е.Е. Законный интерес несовершеннолетних родителей в воспитании ребенка / Е.Е. Леканова // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11 (108). С. 34–42.
8. Леканова Е.Е. Основания прекращения опеки над детьми несовершеннолетних родителей / Е.Е. Леканова // Государство, право и общество: вопросы теории и практики : материалы первой Всероссийской научно-практической конференции (г. Сочи, 8–9 февраля 2019 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор В.И. Скрябин. Ростов-на-Дону : Профпресс, 2019. С. 108–114.
9. Леканова Е.Е. Охраняемый законом интерес на воспитание / Е.Е. Леканова // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 110–127.
10. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права : учебник / М.Н. Марченко. Москва : Норма, 2008. 784 с.
11. Тарусина Н.Н. Бабушки и дедушки как субъекты семейного права / Н.Н. Тарусина // Семейное и жилищное право. 2017. № 2. С. 19–21.
12. Фетисова О.В. Виды и формы опеки (попечительства) / О.В. Фетисова // Право и политика. 2009. № 6 (114). С. 1304–1310.

DOI: 10.18572/1999-477X-2020-6-25-28

## Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран

**Матвеева Наталья Алексеевна,**  
доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности  
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации  
(Финуниверситет), **Financial University,**  
кандидат юридических наук, доцент  
natamatveeva@rambler.ru

Данная статья посвящена актуальным вопросам необходимости законодательного наделения несовершеннолетних граждан обязанностями по отношению к семье и обществу, современным требованиям обеспечения их исполнения детьми. Любопытным представляется опыт некоторых зарубежных стран, в законодательстве которых помимо прав и законных интересов ребенка уделяется особое внимание в том числе и обязанностям детей.

**Ключевые слова:** ребенок, родители, права, обязанности, воспитание, семья.

## The Institution of Child`s Obligations in Laws of Foreign Countries

**Matveeva Natalya A.**  
Associate Professor of the Department of Legal Regulation  
of Economic Operations of the Financial University  
under the Government of the Russian Federation (Financial University)  
PhD (Law), Associate Professor

This article is devoted to topical issues of the need to legally endow minors with responsibilities in relation to the family and society, modern requirements for ensuring their fulfillment by children. The experience of some foreign countries seems to be interesting, in the legislation of which, in addition to the rights and legitimate interests of the child, special attention is paid to the duties of children.

**Keywords:** child, parents, rights, responsibilities, upbringing, family.

Процесс воспитания ребенка подразумевает не только реализацию родителями своих прав и выполнение ими соответствующих обязанностей, но и наделение самих несовершеннолетних детей рядом обязанностей, как это имеет место в некоторых зарубежных государствах. Справедливости ради следует отметить, что обязанности сможет вы-

полнять каждый ребенок лишь с того возраста, с которого он сам осознает себя как часть окружающего мира, пускай даже пока на детском уровне, становится на путь личностного формирования. Воспитание должно подразумевать взаимные, встречные отношения: праву родителя должны корреспондироваться в том числе обязанности ребенка,

и наоборот. В этой связи следует обратиться к положительному зарубежному опыту с целью его изучения и возможно-го ориентирования на многолетний опыт.

Так, в Гражданском кодексе Австрии (§ 145а) прописано, что родители (отец и мать в равной степени) должны заботиться о воспитании своих несовершеннолетних детей и в целом содействовать их благу. Родители и дети должны оказывать друг другу поддержку, дети должны уделять внимание родителям. Несовершеннолетний ребенок обязан исполнять распоряжения родителей. В своих распоряжениях и при их исполнении родители обязаны принимать во внимание возраст, развитие и личность ребенка; применение насилия и причинение физических и психических страданий недопустимо.

Заслуживает особого внимания указание законодателя Германии в § 1618а Германского гражданского уложения (далее – ГГУ) на взаимную обязанность родителей и детей помогать друг другу и уважать друг друга. Более того, в следующем параграфе ГГУ императивно устанавливается: в то время, в течение которого ребенок проживает совместно с родителями, воспитывается ими и получает от них содержание, он обязан посильными способами помогать родителям в домашнем хозяйстве и в их делах, которыми считается любая самостоятельная деятельность родителей, составляющая источник дохода. Российский законодатель в главе 11 СК РФ наделяет несовершеннолетних лишь правами, не обязывая их ни к чему.

Родители обязаны: заботиться о личности ребенка (воспитывать его) и о его имуществе (содержать его), учитывая все возрастающие потребности, способности и ответственность ребенка (§ 1626 ГГУ), должны обсуждать вопросы, затрагивающие обоюдные интересы, приходить к согласию; и ребенок должен общаться с обоими родителями и иными родственниками (бабушками, дедушками, братьями, сестрами, супругом или бывшим супругом родителя, партнером или бывшим партнером одного из родителей, если последние длительное время жили совместно с ребенком), насколько это возможно и способствует его развитию. В связи с этим родители не должны предпринимать действий, ухудшающих отношение ребенка к другому родителю. Это положение распространяется и на иных лиц, на чьем попечении находится ребенок (§ 1684 ГГУ).

Ни родители, ни сам ребенок не могут дать согласия на стерилизацию ребенка (прямой запрет законодатель установил в § 1631с ГГУ).

В соответствии со ст. 21 Закона Китайской Народной Республики «О браке» родители обязаны содержать своих детей и дать им образование, дети – оказывать помощь родителям. Законом запрещено оставление детей и иные действия, причиняющие ущерб детям. Родители имеют право и одновременно обязаны защищать и воспитывать своих несовершеннолетних детей. Родители должны нести гражданскую ответственность в случае нанесения несовершеннолетним детям ущерба государству, коллективу или отдельным лицам (ст. 23 Закона КНР «О браке»). При этом дети должны уважать право родителей на брак и не вмешиваться в заключение кем-либо из родителей повторного брака и дальнейшую жизнь после заключения брака.

Таким образом, китайский законодатель подчеркивает взаимность прав и обязанностей родителей и детей, а главное – провозглашает помимо родительских обязанностей обязанности детей, что в законодательстве Российской Федерации присутствует лишь в части алиментных обязательств – и то в отношении детей, ставших совершеннолетними, трудоспособными и ненуждающимися.

Глава вторая Гражданского кодекса Латвии называется «Взаимные права и обязанности родителей и детей». В отличие от российского Семейного кодекса в этом кодифицированном акте предусмотрены обязанности несовершеннолетних. Так, пока дети получают от своих родителей содержание, они обязаны выполнять в доме родителей работы без права требовать за это какое-либо вознаграждение, если только оно им не было определено обещано (ст. 183). А если дети не слушаются или не повинуются родительскому воспитанию, родители могут обращаться за помощью в сиротский суд (ст. 185).

В Нидерландах в соответствии с Гражданским кодексом Нидерландов и Законом Нидерландов о молодежи интересы детей отстаивают их законные представители: родители или лица, их заменяющие, а также совет по защите детей, правовое положение которого регламентировано разделом 3 ГК Нидерландов и Законом «О молодежи» (аналог органа опеки и попечительства в Российской Федерации). Так, помимо прочих обязанностей, совет по защите детей должен выяснить целесообразность общения ребенка с родителем, который подозревается или был осужден за убийство другого родителя, как только совет был проинформирован о подзрении или осуждении (ст. 242а ГК Нидерландов). При отрицательном решении совет обращается в ювенальный суд с требованием отказать в контакте родителя с ребенком или ограничить возможное общение. Суд определяет временные рамки устанавливаемых мер.

Права, являющиеся одновременно родительскими обязанностями, указаны в ст. 247 ГК Нидерландов. К ним относятся забота о несовершеннолетнем, воспитание и уход за ним, ответственность за умственное и физическое благополучие и безопасность ребенка, содействие развитию его личности. При уходе и воспитании ребенка родители не должны применять психическое или физическое насилие или какое-либо другое унижающее достоинство обращение.

Если ребенок проживает вместе с родителями или одним из них и имеет доход от трудовой деятельности, он обязан вносить посильный вклад в их общее домашнее хозяйство (ст. 253I ГК Нидерландов). При этом как родители, так и дети, совместно проживающие, не имеют права распоряжаться имуществом друг друга. Аналогичное правило действует и в России (п. 4 ст. 60 СК РФ).

Если ребенок с согласия своих родителей воспитывается одним или несколькими другими лицами, принадлежащими к семье (бабушками, дедушками, другими родственниками или свойственниками), как минимум один год, родители могут быть допущены к воспитанию своего ребенка и проживанию с ним только с разрешения этих лиц. При отсутствии согласия указанных лиц родители могут получить разрешение в суде по делам несовершеннолетних.

Суд обязан действовать исключительно в интересах детей. В случае отклонения судом просьбы родителей решение имеет силу на срок, определяемый судом, который не может превышать 6 месяцев. По истечении указанного срока возможно вернуться к вопросу о возвращении ребенка родителям. Суд должен учитывать мнение ребенка, достигшего 12-летнего возраста.

Статья 87 Семейного и опекунского кодекса Республики Польша (далее – СиОК РП) определяет, что родители и дети обязаны уважать друг друга и поддерживать друг друга. § 2 ст. 95 СиОК РП указывает, что ребенок должен повиноваться родителям, и в вопросах, где он может принимать решения и делать волеизъявления, он должен выслушать мнения и рекомендации родителей, сформулированные для его же блага.

Согласно ст. 91 СиОК РП ребенок, который имеет доход от своей работы, должен способствовать покрытию расходов на содержание семьи, если он живет с родителями. Ребенок, который зависит от своих родителей и живет с ними, обязан помогать им в общем доме. Таким образом, польское законодательство содержит весьма важную норму об обязанности ребенка помогать своим родителям.

Родительские полномочия должны осуществляться в соответствии с потребностями ребенка и социальными интересами. Родители перед принятием решения по более важным вопросам, касающимся личности или имущества ребенка, должны прислушиваться к нему, если это позволяет психическое развитие, самочувствие и уровень зрелости ребенка и, если это возможно, учитывать его разумные пожелания.

Родители воспитывают ребенка и направляют его. Они обязаны заботиться о физическом и духовном развитии ребенка и готовить его должным образом для работы на благо общества в соответствии с его способностями (ст. 96 СиОК РП).

Родители обязаны с должной осмотрительностью управлять имуществом ребенка. При этом управление, осуществляемое родителями, не включает в себя управление доходами ребенка или предметами, предоставленными ему для бесплатного использования (ст. 101 СиОК РП). Согласно ст. 103 СиОК РП чистый доход от имущества ребенка должен быть в первую очередь направлен на содержание и воспитание ребенка и его братьев и сестер, которые воспитываются вместе с ним, а излишек – на другие законные потребности семьи. Суд опеки и попечительства может поручить родителям составить инвентаризацию имущества своего ребенка, представить его суду и уведомить суд об основных изменениях в статусе этого имущества, в частности о приобретении ребенком значительных ценностей.

Часть вторая Гражданского кодекса Чехии посвящена отношениям между родителями и детьми. В § 855 ГК законодатель Чехии наделяет родителей и детей взаимными правами и обязанностями, отказ от которых ничтожен. Целью наделения ребенка правами и обязанностями является обеспечение морального и материального благополучия ребенка. Родители и ребенок обязаны помогать друг другу, поддерживать и проявлять взаимное уважение.

Отнюдь не кажется декларативной норма § 884 ГК Чехии, утверждающая, что родители играют важную роль в уходе за ребенком, они должны быть универсальным примером для своих детей, особенно если это образ жизни и поведения в семье.

Родители обязаны заботиться о ребенке, а ребенок обязан заботиться о своих родителях. До достижения ребенком совершеннолетия родители имеют право направлять его для получения профессионального образования в соответствующие организации, учитывая способности ребенка, защищая его нравственные устои, здоровье и иные права ребенка, других людей и общественный порядок. Образовательные ресурсы могут быть разумно использованы только в форме и объеме, не угрожающих здоровью, развитию ребенка и положительно влияющих на человеческое достоинство ребенка. Ребенок обязан подчиняться и соблюдать требования родителей (§ 857 ГК Чехии).

Родители обязаны заботиться о здоровье ребенка, физическом, эмоциональном, интеллектуальном и нравственном развитии, лично воспитывать его, обеспечить получение им образования, предоставить ему место жительства, представлять его интересы и управлять его имуществом. Родители должны осуществлять родительские права соответственно степени развития ребенка, принимать решение об образовании или профессиональной деятельности ребенка с учетом его мнения, способности и таланта.

До достижения ребенком совершеннолетия изменить характер родительских правоотношений или прекратить их можно только по решению суда. При этом на основании § 865 ГК Чехии родители имеют равные права. Однако если один из родителей действует добросовестно в интересах ребенка, презюмируется согласие другого родителя на совершение юридически значимого действия. Учет мнения ребенка, достигшего 12 лет, при решении вопросов, затрагивающих его интересы, обязателен (§ 867 ГК Чехии).

Итак, родители в Чехии имеют право применять меры воспитательного воздействия по отношению к своим детям. Дети обязаны им подчиниться. Данные нормы хотя и носят декларативный характер, но могут в исключительных случаях служить для защиты родителей от обвинений со стороны детей.

Законодатель Эстонии в Главе 9 Закона Эстонии о семье (Общее правоотношение родителей и ребенка) в ст. 113 «Обязанность оказывать взаимную поддержку и считаться друг с другом» прописывает, что родитель и ребенок обязаны поддерживать и уважать друг друга, а также считаться с интересами и правами друг друга. Ст. 114 данного Закона четко названа «Обязанность по оказанию помощи родителям», в которой значится, что при совместном проживании ребенка со своими родителями, и если при этом они его воспитывают или содержат, он обязан оказывать помощь родителям в ведении домашнего хозяйства способом, который соответствует его способностям и возможностям.

В странах мусульманского права обязанности детей по отношению к собственным родителям прописаны в Коране. Дети с рождения окружены любовью и заботой своих

родственников, однако по мере взросления они ответно проявляют уважительное отношение как к старшему, так и к младшему поколению. Считается, что Пророк объявил неподчинение родителям главным грехом. Ребенок может послушаться их по единственному основанию: если требование родителей противоречит Исламу.

Таким образом, не должно быть прав без обязанностей, а следовательно, стоит задуматься и о законодательном наделении несовершеннолетних российских детей с определенного возраста обязанностями. Тем более из имеющихся в семейном законодательстве формулировок видно, что робкие попытки этого уже предпринимались. Раздел IV СК РФ, как известно, называется «Права и обязанности родителей и детей», что уже должно подразумевать их наличие. Однако обязанностями наделены только родители. Также ст. 53 СК РФ называется «Права и обязанности детей, родившихся от лиц, не состоящих в браке между собой» (При установлении отцовства в порядке, предусмотренном статьями 48–50 настоящего Кодекса, дети имеют такие же права и обязанности по отношению к родителям и их родственникам, какие имеют дети, родившиеся от лиц, состоящих в браке между собой). Правда, не совсем понятна логика законодателя: во-первых, делает ли он здесь отсылку только к алиментным обязательствам, и, во-вторых, подразумевает ли в том числе несовершеннолетних детей.

На современном этапе необходимость закрепления обязанностей стала очевидной, в том числе и потому, что наблюдается злоупотребление несовершеннолетними детьми своими правами, предъявление ими завышенных требований как имущественного характера, так и неимущественного к собственным родителям с оговорками о том, что они «не просили их рожать»..., к окружающей действительности, к жизни в целом. Предлагая вести серьезный разговор о наделении несовершеннолетних семейными обязанностями, следует отталкиваться от добросовестного поведения родителей, не забывая того, что на основании п. 1 ст. 65 СК РФ родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей. При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство

обращение, оскорбление или эксплуатацию детей. Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке.

Такое требование к родителям закреплено и на международном уровне. В частности, в ст. 5 Конвенции о правах ребенка сказано, что государства-участники уважают ответственность, права и обязанности родителей и, в соответствующих случаях, членов расширенной семьи или общины, как это предусмотрено местным обычаем, опекунов или других лиц, несущих по закону ответственность за ребенка, должным образом управлять и руководить ребенком в осуществление им признанных настоящей Конвенцией прав и делать это в соответствии с развивающимися способностями ребенка.

Разумеется, по объективным причинам, связанным с психофизическим развитием и степенью осознанности восприятия мира, речь не должна идти о наделении обязанностями всех категорий несовершеннолетних, но начиная с десятилетнего возраста, с которого законодатель наделяет ребенка правом высказывать свое мнение при решении вопросов, затрагивающих его интересы (ст. 57 СК РФ), или с четырнадцатилетнего возраста (когда ребенок может самостоятельно обращаться в том числе в суд за защитой своих прав и законных интересов) такие обязанности должны быть предусмотрены. Пусть даже на первых порах они будут прописаны декларативно, но смогут в исключительных случаях служить для защиты родителей от обвинений со стороны детей. В этой связи следует всецело поддержать изменения в Конституцию РФ, одобренные в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., благодаря которым появился новый подпункт ж.1) в пункте 1 ст. 72, провозглашающий, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в том числе находятся защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях. На основании изложенного теперь необходимо разработать конкретные предложения, которые найдут отражение в специальных как федеральных законах, так и законах субъектов Российской Федерации, в частности, по вопросам наделения несовершеннолетних детей не только правами, но и семейными обязанностями.

### Уважаемые авторы!

Сообщаем о возможности присвоения DOI ранее опубликованным или планируемым к публикации статьям в наших журналах!

По всем вопросам, связанным с присвоением DOI вашим статьям, просим обращаться по адресу электронной почты: [ig@lawinfo.ru](mailto:ig@lawinfo.ru), с пометкой «DOI для статьи».

## Особенности конституционно-правового статуса ребенка в Российской Федерации

**Процевский Виктор Александрович,**  
 профессор Севастопольского государственного университета,  
 доктор юридических наук, профессор  
 viktorprocevskij@gmail.com

**Голикова Светлана Витальевна,**  
 доцент кафедры теории и истории государства и права  
 Севастопольского государственного университета,  
 кандидат юридических наук  
 golikovasv@mail.ru

На современном этапе развития государства один из основных вопросов, которые возникают, — это вопрос защиты прав человека. При этом постепенное развитие общества требует особого отношения именно к детям из-за их неспособности защитить себя самостоятельно, понимания обществом их интересов, потребностей, запросов, проблем, психоэмоциональных и других факторов. В статье проводится исследование конституционно-правового статуса ребенка, определение его теоретических основ и структуры. Отмечается, что конституционно-правовой статус ребенка является сложной, комплексной правовой категорией, что объективирует систему юридических признаков правового положения ребенка как объекта конституционного права. Основной составляющей понятия правового статуса ребенка является понимание ценности ребенка как члена общества.

**Ключевые слова:** Конституция Российской Федерации, ребенок, конституционно-правовой статус, защита прав и свобод ребенка, конституционные права и обязанности.

### Peculiarities of the Child`s Constitutional Law Status in the Russian Federation

**Protsevskiy Viktor A.**  
 Professor of the Sevastopol State University  
 LL.D., Professor

**Golikova Svetlana V.**  
 Associate Professor of the Department of Theory and History  
 of State and Law of the Sevastopol State University  
 PhD (Law)

At the present stage of state development, one of the main issues that arise is the issue of human rights protection. At the same time, the gradual development of society requires a special attitude to children because of their inability to protect themselves independently, understanding of their interests, needs, requests, problems, psychoemotional and other factors. The article examines the constitutional and legal status of the child, determining its theoretical foundations and structure. It is noted that the constitutional and legal status of a child is a complex, complex legal category that objectifies the system of legal features of the legal status of a child as an object of constitutional law. The main component of the concept of the legal status of the child is the understanding of the value of the child as a member of society.

**Keywords:** the Constitution of the Russian Federation, child, constitutional and legal status, protection of rights and freedoms of a child, constitutional rights and obligations.

Ценностью любого современного государства, если оно, конечно, заинтересовано сохранить свой народ и заботится о его будущем, традиционно считается семья, а главной ценностью семейной жизни — дети. Современный процесс демократизации российского общества

требует научно обоснованной правовой оценки состояния защищенности всех слоев населения и в первую очередь детей, как наиболее уязвимой категории граждан. Ребенок занимает особое положение в правовом обществе, что обусловлено его зависимостью от роди-

телей, неполной дееспособностью и другими причинами<sup>1</sup>. Поэтому дети не имеют реальной возможности защищать свои права столь же эффективно, как это может делать взрослый человек. Отсюда возникает необходимость повышенной правовой защиты их законных интересов со стороны государства и общества<sup>2</sup>. Одной из фундаментальных основ конституционного строя России является провозглашение в Конституции Российской Федерации человека, его прав и свобод высшей ценностью. И обязанность государства — их признание, соблюдение и защита. В конституционно-правовой доктрине прослеживается тенденция отождествления общего правового и конституционно-правового статуса ребенка<sup>3</sup>. В то же время, как представляется, категории общеправового статуса ребенка и конституционно-правового статуса ребенка — не являются тождественными, а соотношение между ними можно охарактеризовать как соотношение целого и части, где часть выступает в качестве центра, в свою очередь, являясь производной от международно признанной концепции прав ребенка, прежде всего принципов Конвенции о правах ребенка<sup>4</sup>: недискриминации и равенства прав детей, обеспечения наилучших интересов ребенка, обеспечение права на выживание и развитие, обеспечение участия ребенка в решении вопросов, которые его касаются. Общий правовой статус ребенка в Российской Федерации нормативно определен в многочисленных источниках как национального (в частности, в Семейном кодексе Российской Федерации (далее — СК РФ<sup>5</sup>), в Федеральном законе «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»<sup>6</sup> и т.п.), так и международного (Конвенция ООН о правах ребенка, Декларации ООН прав ребенка<sup>7</sup> и др.) права. Кроме того, правовой статус ребенка имеет и свое ценностное измерение: человечество признает не только детей, но и детство как правовую ценность, обусловленную уникальными свойствами ребенка, которыми являются: невинность, уязвимость, энергичность, надежда, любопытство, что отмечено многочисленными актами «мягкого права» на международном универсальном и региональном уровне. Общий правовой статус ребенка — это система выраженных в ценностях естественного права и нормах позитивного права, гарантированных обществом и государством субъективных юридических прав, свобод и интересов, а также обязанностей и ответственности особенного субъекта пра-

ва — ребенка. В определении конституционно-правового статуса ребенка на сегодняшний день нет единства мнений исследователей. Условно можно выделить узкий и широкий подходы к его определению. Так, по мнению Г.А. Инфантиди и С.В. Галян, конституционно-правовой статус ребенка — это комплекс прав, свобод, обязанностей и ответственности ребенка, установленных Конституцией и конституционными законами Российской Федерации<sup>8</sup>. Напротив, М.С. Майорова, Е.Н. Луконин и И.Г. Луконина рассматривают конституционно-правовой статус ребенка как юридически закрепленное положение ребенка в обществе, которые определяются системой принципов и норм, содержащихся в Основном законе государства, международных актах и иных нормативно-правовых актах, и защищают права, свободы и обязанности ребенка, а также гарантии их реализации и ответственность<sup>9</sup>. Отметим, что в данной дефиниции присутствует охват конституционно-правовым статусом не только собственно конституционных, но и всех других, в том числе — международно-правовых норм. Такое определение по своему нормативному объему приближается к определению общего правового статуса ребенка. Одновременно ей присущ строгий патернализм, ведь, как думается, конституционно-правовой статус ребенка составляют исключительно нормы защитного характера. Существенно важным является то, что с позиций теории права оба определения учитывают один из необходимых элементов правового статуса человека и гражданина, которым является ответственность как в положительном проспективном (сознательное положительное отношение лица к своим обязанностям), так и в негативном ретроспективном (обязанность претерпеть соответствующие негативные правовые санкции в случае нарушения субъектом норм права) аспектах. Изложенное дает возможность определить конституционно-правовой статус ребенка в Российской Федерации как систему формально определенных и обеспеченных Основным законом государства прав, обязанностей и ответственности ребенка как полноправного члена российского гражданского общества. В главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина»<sup>10</sup> понятия «ребенок» и «дети» употребляются только в трех статьях: в ст. 38, которая закрепляет обязанность государства и родителей заботиться о детях; в ст. 39, содержащей нормы о социальной защите детей; в ст. 43, устанавливающей право на образование. В остальных нормах ребенок подразумевается в качестве субъекта правоотношений и включается в термины «гражданин», «каждый»<sup>11</sup>. Нормы Конституции Российской Федерации имеют прямое действие, для судебной защиты этих норм не нужно принимать специальные законы или иные нормативные акты (ст. 15). При принятии новых

<sup>1</sup> Нуруллина Э.Р. Статус детей в современном российском обществе и семье (на примере г. Казани) : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Казань, 2012. С. 4.

<sup>2</sup> Керимова С.Н. К вопросу о конституционно-правовом статусе ребенка в Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. 2015. Т. 16. С. 59.

<sup>3</sup> См., напр.: Сологуб А.Ю. Конституционно-правовая защита прав ребенка в Российской Федерации // Известия ИГЭА. 2011. № 4 (78). С. 175–177; и др.

<sup>4</sup> Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989; вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Выпуск XLVI.

<sup>5</sup> Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

<sup>6</sup> Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.

<sup>7</sup> Декларация прав ребенка (принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М. : Юридическая литература, 1990. С. 385–388.

<sup>8</sup> Инфантиди Г.А., Галян С.В. Конституционные основы правового статуса ребенка в России // Экономика и право. 2016. № 3 (61). С. 74.

<sup>9</sup> Майорова М.С., Луконин Е.Н., Луконина И.Г. Конституционно-правовой статус ребенка в Российской Федерации и проблемы его реализации // Nauka-rastudent.ru. 2016. № 4.

<sup>10</sup> Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.10.2020).

<sup>11</sup> Ювенальное право : учебник для вузов / под ред. А.В. Заряева, В.Д. Малкова. М. : Юстицинформ, 2005. С. 216.

законов или внесении изменений в действующие законы Конституция Российской Федерации запрещает умаление содержания и объема имеющихся прав и свобод (ст. 55). Следовательно, можно считать, что на основании Основного закона российское государство взяло на себя обязательства по специальной защите прав несовершеннолетних детей. В то же время весь комплекс прав, обязанностей и ответственности человека и гражданина, предусмотренных и гарантированных Конституцией Российской Федерации, в отношении ребенка требует адаптации. Механизм адаптации конституционных норм, что закрепляют права, свободы, обязанности и ответственность человека и гражданина, и будет тем правовым явлением, которое предопределяет особенности конституционно-правового статуса ребенка. Отраслевое законодательство осуществляет их такими способами:

– ограничение содержания конституционно-правовой нормы с целью защиты ребенка. Например, право детей на объединение ограничивается только общественными организациями, а создание детских организаций политического и религиозного направления запрещается (п. 2 ст. 9 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»). Право на труд, по общему правилу, имеют дети, достигшие возраста шестнадцати лет (ст. 63 Трудового кодекса Российской Федерации<sup>12</sup>);

– установление особых гарантий реализации не только конституционных прав и свобод ребенка, но и конституционных обязанностей. Таковы, например, государственные гарантии права ребенка на образование и обязанности получения основного общего образования (п. 4 ст. 43 Конституции);

<sup>12</sup> Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

– установление особых режимов реализации прав и свобод детьми, находящимися в неблагоприятной или экстремальной ситуации. Так, государство обязуется создать детям-инвалидам и детям с недостатками умственного или физического развития необходимые условия для полноценной жизни, в частности для получения образования, создает повышенные процессуальные гарантии для соблюдения прав детей, находящихся в конфликте с законом.

В целом стоит оценить регулирование прав, свобод и обязанностей ребенка как достаточно полное, с оговоркой: выполнение ребенком обязанностей должно быть гарантировано государством так же, как и соблюдение прав и свобод ребенка, учитывая особенности его правосубъектности. Особенно это касается такой разновидности обязанностей как юридическая ответственность ребенка. Ведь, как и для взрослых, Конституция Российской Федерации содержит лишь общие принципы юридической ответственности ребенка, а именно: принцип *pop bis in idem*; индивидуальный характер юридической ответственности; право не свидетельствовать против себя; презумпцию невиновности; презумпцию знания закона. Конкретизированная регламентация юридической ответственности детей сосредоточена в отраслевом законодательстве. Особенности правового и социального статуса ребенка, находящегося в конфликте с законом, требуют создания особой, специализированной в отношении детей, системы правосудия и судопроизводства, которое будет возможным только путем совершенствования уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего процессуальное положение несовершеннолетних участников уголовного процесса, а также особенности досудебного и судебного производства по делам данных категорий.

#### Литература

1. Инфантиди Г.А. Конституционные основы правового статуса ребенка в России / Г.А. Инфантиди, С.В. Галян // Экономика и право. 2016. № 3 (61). С. 74–75.
2. Керимова С.Н. К вопросу о конституционно-правовом статусе ребенка в Российской Федерации / С.Н. Керимова // Юридический вестник ДГУ. 2015. Т. 16. № 4. С. 59–63.
3. Майорова М.С. Конституционно-правовой статус ребенка в Российской Федерации и проблемы его реализации / М.С. Майорова, Е.Н. Луконин, И.Г. Луконина // Nauka-Rastudent.ru. 2016. № 4. С. 28.
4. Нуруллина Э.Р. Статус детей в современном российском обществе и семье (на примере г. Казани) : автореферат диссертации кандидата социологических наук / Э.Р. Нуруллина. Казань, 2012. 24 с.
5. Ювенальное право : учебник для вузов / под редакцией А.В. Заряева, В.Д. Малкова. Москва : Юстицинформ, 2005. 320 с.

Для оформления заказа на приобретение одного и/или нескольких печатных экземпляров журнала с опубликованной статьей просим вас при получении уведомления о включении вашей статьи в содержание журнала обратиться в авторский отдел по телефону: 8 (495) 953-91-08, или по электронной почте: avtor@lawinfo.ru

## Управление многоквартирным домом жилищным кооперативом: направления совершенствования законодательства

**Балановский Александр Андреевич,**  
начальник юридического отдела  
Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А.К. Кортунова –  
филиала Донского государственного аграрного университета,  
аспирант кафедры гражданского права  
Южного федерального университета (ЮФУ)  
sania2008-1@yandex.ru

В настоящей статье рассматривается регулирование общественных отношений, складывающихся по поводу управления многоквартирным домом жилищными, жилищно-строительными кооперативами. На основе анализа российского законодательства о жилищных и жилищно-строительных кооперативах обращено внимание на правовые пробелы в жилищном законодательстве, связанные с управлением многоквартирным домом жилищного, жилищно-строительного кооператива, что является одной из важных проблем жилищных, жилищно-строительных кооперативов, а также предложены пути их решения.

**Ключевые слова:** жилищно-строительные кооперативы, жилищные кооперативы, члены кооператива, паевой взнос, жилое помещение, управление, общее имущество, многоквартирный дом.

### Apartment Block Management by a Housing Cooperative: Law Improvement Areas

**Balanovskiy Aleksandr A.**  
Head of the Legal Department of the Kortunov Novochoerkassk Engineering  
and Amelioration Institute – Branch of the Don State Agrarian University  
Postgraduate Student of the Department of Civil Law  
of the Southern Federal University (SFEDU)

This article deals with the regulation of public relations that are developing regarding the management of an apartment building by housing, house-building cooperative. Based on the analysis of Russian legislation on housing and house-building cooperative, attention is drawn to the legal gaps in housing legislation related to the management of multi-apartment housing, house-building cooperative, which is one of the important problems of housing, house-building cooperative, as well as ways to solve them.

**Keywords:** house-building cooperative, house cooperation, shareholders of the cooperative, share payment, residential premises, management, common property, apartment building.

Жилищный кооператив и жилищно-строительный кооператив (далее – кооператив) как способ управления многоквартирным домом (далее – МКД) существует во многих странах, однако нормативно-правовые акты зарубежных стран не предусматривают возможность передачи жилого помещения в собственность членам кооператива, и тем самым кооператив управляет МКД сам. В советские годы такой механизм был предусмотрен жилищным законодательством, так, ст. 17 ЖК РСФСР было установлено, что управление фондом жилищно-строительных кооперативов осуществля-

ется органами управления кооперативов в соответствии с их уставами<sup>1</sup>. Но конкретного правового механизма управления МКД законодательством того времени установлено не было. Управление МКД осуществлялось кооперативом, а члены кооператива после выплаты паевых взносов обладали правом собственности на пай и правом владения и пользования жилым помещением в кооперативном доме, однако уже в

<sup>1</sup> Жилищный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 24 июня 1983 г. (ред. от 06.07.1991. с изм. от 23.06.1995) // Ведомости ВС РСФСР. 1983. № 26. Ст. 883.

1990 г. Закон СССР от 6 марта 1990 г. № 1305-1 «О собственности в СССР» и Закон от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР» превратили кооперативы во временных собственников своего имущества.

С принятием Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) правовой пробел также не был устранен. В первой редакции ЖК РФ от 1 марта 2005 г. в ч. 1 ст. 110 было указано, что жилищным или жилищно-строительным кооперативом признается добровольное объединение граждан и (или) юридических лиц на основе членства в целях удовлетворения потребностей граждан в жилье, а также управления жилыми и нежилыми помещениями в кооперативном доме<sup>2</sup>.

В 2011 г. ст. 4 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 349-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О содействии развитию жилищного строительства» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» законодателем были внесены изменения в ЖК РФ, а именно в ч. 1 ст. 110, где кооператив уже не управляет жилыми и нежилыми помещениями, а управляет МКД<sup>3</sup>.

Фактически нормы ЖК РФ о кооперативах устанавливают правовой механизм по приобретению, строительству или реконструкции МКД, а в дальнейшем после выплаты пая предполагается переход права собственности на жилое помещение от кооператива к его членам. Что же касается управления МКД кооперативом, то законодатель ограничился ст. 110, 161 ЖК РФ. При этом считаем, что применение норм о кооперативах может создать невозможность управления МКД или же совсем затруднить управление, а также нарушить интересы субъектов правоотношений по управлению МКД.

Хотелось бы заметить, что на сегодняшний день и научные работы, освещающие тему управления МКД кооперативом, немногочисленны.

Итак, полагаем, что одной из важных проблем кооперативов является отсутствие полноценного правового механизма управления МКД кооперативом, а Устав кооператива не всегда может его компенсировать. Это связано с тем, что ряд императивных норм ЖК РФ, устанавливающих порядок деятельности кооператива, не приспособлен для решения вопросов управления МКД. Р.Р. Аллямов в своей работе указывает на недостаточное внимание государства к кооперативам как форме управления многоквартирными домами: «Государство в последнее время активно пропагандирует организацию в многоквартирных домах именно ТСЖ, несмотря на несовершенство законодательства и огромное количество противоречий и трудностей в практическом его применении. В то же время слишком мало говорится об альтернативной форме объединения граждан для управления многоквартирным домом – жилищных и жилищно-строительных кооперативах (ЖК и ЖСК), хотя они и существуют гораздо дольше «новомодных» ТСЖ»<sup>4</sup>.

<sup>2</sup> Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

<sup>3</sup> Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 349-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О содействии развитию жилищного строительства» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7027.

<sup>4</sup> Аллямов Р.Р. Жилищные (жилищно-строительные) кооперативы и товарищества собственников жилья: особенности правового регулирования и основные отличия // Жилищное право. 2007. № 2. С. 62.

Итак, жилые помещения как объекты жилищных прав в МКД принадлежат кооперативу до полной выплаты членами кооператива паевых взносов, а после выплаты члены кооператива становятся собственниками. В этой связи П.В. Крашенинников подчеркивает, что «граждане – члены жилищных и жилищно-строительных кооперативов разделились на собственников и несобственников жилых помещений»<sup>5</sup>. То есть после выплаты пая одним из членов кооператива уже собственники и пользователи жилыми помещениями участвуют в управлении МКД. Однако существуют и ситуации, когда в МКД, который находится под управлением кооператива, проживают бывшие члены кооператива, которые вышли из кооператива после полной выплаты пая и приобретения права собственности на жилое помещение, так и лица, которые приобрели право собственности на помещение в МКД кооператива у бывшего собственника и члена кооператива. Однако в ЖК РФ не существует правил об отношениях между кооперативом, который управляет МКД, и собственниками, не являющимися его членами. Считаем, что такой правовой пробел в регулировании, в целях защиты прав собственников, не являющихся членами кооператива, должен восполняться в соответствии со ст. 7 ЖК РФ и применяться по аналогии со ст. 143.1 ЖК РФ либо же должен быть устранен путем внесения изменений в раздел V ЖК РФ.

Вместе с тем хотелось бы заметить, что собственник жилого помещения в кооперативном доме, но не являющийся членом кооператива, не может вступить в данный кооператив, так как целью кооператива является удовлетворение потребности граждан в жилье. То есть членство в кооперативе подразумевает объединение нуждающихся в жилье лиц и приобретение его путем уплаты паевого взноса. При этом для вступления в кооператив, согласно ст. 121 ЖК РФ, потенциальный член кооператива обязан еще и уплатить вступительный взнос. В данном случае лицо уже имеет в собственности жилое помещение в МКД кооператива, оно не имеет потребности в еще одном жилом помещении в этом же кооперативе и не будет уплачивать вступительные взносы для вступления в кооператив и паевые взносы на приобретение жилого помещения в кооперативе. Даже если это лицо захотело бы приобрести таким способом жилое помещение, то к тому времени, когда к нему перешло право собственности на жилое помещение от члена кооператива, кооператив уже принял меры для приобретения того количества помещений, которое необходимо для обеспечения жильем членов кооператива, и вряд ли появятся новые жилые помещения. Таким образом, считаем, что невозможность участия указанных собственников в кооперативе, который управляет МКД, будет их ограничивать в правах по управлению общим имуществом в МКД. Тогда возникает вопрос о членах кооператива, у которых право собственности на жилое помещение в кооперативном доме прекратилось. Даже если в порядке ст. 7 ЖК РФ брать за аналогию членство собственника жилого помещения в Товариществе собственников жилья (ТСЖ), то прекращение права собственности ведет к ав-

<sup>5</sup> Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / под. ред. П.В. Крашенинникова. М. : Статут, 2005. С. 185.

томатическому прекращению членства, однако в ст. 130 ЖК РФ такое основание прекращения членства в кооперативе не предусмотрено, при этом норма выражена в категоричной форме и не позволяет расширить предусмотренный ею перечень прекращения членства в кооперативе. Так, к примеру, в решении Советского районного суда города Брянска от 23 января 2013 г. по делу № 2-188/2013 и в апелляционном определении Брянского областного суда от 27 июня 2013 г. по делу № 33-1641/2013 судами отмечено, что ст. 130 ЖК РФ установлен порядок прекращения членства в жилищном кооперативе, который является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию<sup>6</sup>. Согласно ч. 2 ст. 130 ЖК РФ членство в кооперативе прекращается только в добровольном порядке по личному заявлению члена кооператива, которое рассматривается в порядке, предусмотренном уставом кооператива<sup>7</sup>. Следовательно, в силу такого правового пробела возникает ситуация, при которой лицо, ранее участвовавшее в кооперативе, приобрело, а впоследствии прекратило свое право собственности на жилое помещение, к примеру, продало такое жилое помещение, однако членство в таком кооперативе сохраняется за ним, а значит, сохраняется и возможность участвовать в управлении общим имуществом МКД. Полагаем, что такой правовой пробел должен быть восполнен внесением изменений в ч. 1 ст. 130 ЖК РФ положением о прекращении членства в кооперативе вследствие отчуждения жилого помещения.

Также хотелось бы отметить неотрегулированность вопроса, касающегося голосования членов кооператива на общем собрании. Так, исходя из смысла ст. 117 ЖК РФ, каждый член кооператива на общем собрании имеет один голос. Это возможно тогда, когда решаются вопросы приобретения жилых помещений или строительства МКД, а также вопросы, касающиеся внутренней деятельности кооператива. Однако законодатель, исходя из ст. 37 ЖК РФ, при принятии решения по вопросам управления общим имуществом в МКД руководствуется принципом пропорциональности количества голосов площади помещения, принадлежащего собственнику. Такой принцип, согласно ст. 7 ЖК РФ, соответствует общим требованиям разумности и

справедливости, так как чем больше у собственника доля в общем имуществе, тем больше его интерес в сохранении такого имущества, соответственно у него и больше расходы на содержание имущества. Однако когда вопросы, связанные с общим имуществом, решаются на общем собрании членов кооператива, то принцип пропорциональности площади помещений и количества голосов нарушается, так как каждый член кооператива обладает одним голосом, несмотря на количество и размер принадлежащих ему жилых помещений в МКД.

Проанализировав период «жизни» кооператива от его создания до перехода права собственности на жилые помещения к членам кооператива включительно, можно сделать вывод, что существует четыре этапа в «жизни» кооператива, в ходе которых изменяется круг субъектов права пользования, а также права собственности на жилые помещения в МКД кооператива.

Итак, первый этап – период с создания кооператива и до момента приобретения кооперативом в собственность МКД путем приобретения жилых помещений либо строительства МКД с определенным количеством жилых помещений. На данном этапе управление общим имуществом МКД не осуществляется, так как в данный момент МКД приобретает или строится.

Второй этап соответственно начинается с момента приобретения кооперативом права собственности на МКД, т.е. собственником всех помещений является кооператив. Причем данный этап непродолжительный, в связи с тем, что заканчивается такой этап передачей кооперативом жилых помещений во владение и пользование членам кооператива в соответствии с решением общего собрания кооператива.

Третий этап – передача членам кооператива жилых помещений во владение и пользование. В последующем после выплаты членами кооператива паевых взносов право владения и пользования трансформируется в право собственности, а значит, собственником жилого помещения в МКД кооператива становится уже член кооператива, которому оно было ранее предоставлено во владение и пользование. Итак, данный этап характеризуется многообразием субъектов права пользования и собственности на жилые помещения: пользователями помещений являются члены кооператива, не выплатившие паевой взнос в полном объеме, а собственниками помещений могут быть как сам кооператив, его члены, бывшие члены кооператива либо иные собственники, не являющиеся членами кооператива.

Четвертый этап, он же и заключительный этап «жизни» кооператива, определен моментом полной выплаты всеми членами кооператива своих паевых взносов. Таким образом, все жилые помещения в МКД переходят в собственность членов кооператива, а кооператив выступает в качестве выбранного способа управления.

Считаем, что определение вышеуказанных этапов нужно для того, чтобы размежевать круг субъектов права собственности на помещения в МКД, т.е. лиц, которым предоставлена законная возможность решения основных вопросов, связанных с управлением МКД, а также круг лиц, владеющих и пользующихся жилыми помещениями, которые после выплаты пая станут их собственниками и ин-

<sup>6</sup> Решение Советского районного суда города Брянска от 23 января 2013 г. по делу № 2-188/2013 «Об оспаривании деятельности председателя ТСЖ, признании недействительным договора, понуждении ЖСК «Серебряный ручей» к заключению договора, признании недействительным протокола, обязанности ЖСК «Серебряный ручей» установить одинаковые с членами кооператива тарифы на жилищно-коммунальные услуги, признании незаконными и отмене статей расходов «Общие расходы» и «Благоустройство» с производством соответствующего перерасчета, взыскании судебных расходов и компенсации морального вреда». URL: <http://soj.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=9309691E7A3D22E2FD07ABA263FA388A&SORTTYPE=0&BASENODE=32935&ts=54043939206329430064788934&base=AOKI&n=2663661&rnd=0.6140405855908921#bhe9zcf65k0> (дата обращения 21.08.2020); Апелляционное определение Брянского областного суда от 27 июня 2013 г. по делу № 33-1641/2013 «Об оспаривании деятельности председателя ТСЖ, признании недействительным договора, понуждении ЖСК «Серебряный ручей» к заключению договора, признании недействительным протокола, обязанности ЖСК «Серебряный ручей» установить одинаковые с членами кооператива тарифы на жилищно-коммунальные услуги, признании незаконными и отмене статей расходов «Общие расходы» и «Благоустройство» с производством соответствующего перерасчета, взыскании судебных расходов и компенсации морального вреда». Архив Брянского областного суда (дата обращения: 21.08.2020).

<sup>7</sup> Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

тересы которых необходимо учитывать при регулировании вопросов управления МКД.

Все этапы, за исключением первого, делают необходимым специальный подход к регулированию деятельности по управлению МКД.

Очевидно, что на втором этапе, когда собственником помещений выступает кооператив, управление МКД будет осуществляться таким кооперативом. При этом кооператив сможет самостоятельно управлять и заключать договоры с управляющими организациями, учреждениями жилищно-коммунального хозяйства и т.д. Считаем, что в данном случае нельзя говорить об обычном управлении общим имуществом МКД, так как объектом управления на этом этапе выступает не только «общее» имущество МКД — объекты, предназначенные для обслуживания нескольких помещений в доме, но и отдельные помещения как жилые, так и не жилые, так как все это имущество принадлежит кооперативу. Такая необходимость управления отдельными помещениями не только вытекает из практических соображений, но и прямо закреплена ЖК РФ в качестве обязанности кооператива.

Исходя из смысла ч. 2 ст. 129 ЖК РФ на отношения собственности в МКД при условии полностью выплаченного паевого взноса хотя бы одним членом кооператива распространяется действие гл. 6 ЖК РФ. В то же время нормы ЖК РФ об управлении МКД распространяются только на случаи, когда помещения в МКД принадлежат не менее чем двум собственникам, но в случае, если все помещения МКД принадлежат одному собственнику, то решения по вопросам, относящимся к компетенции общего собрания собственников помещений в МКД, принимаются и оформляются этим собственником самостоятельно. Вместе с тем положения главы 6 ЖК РФ, определяющие порядок и сроки подготовки, созыва и проведения общего собрания собственников помещений в МКД, не применяются, за исключением положений, касающихся сроков проведения годового общего собрания собственников помещений в МКД.

Итак, вопросы управления МКД решаются органами управления кооператива в соответствии с их компетенцией и должны оформляться в виде решения кооператива как единственного собственника МКД.

Наконец, когда все члены кооператива выплатили паевые взносы, они становятся собственниками жилых помещений, а кооператив в свою очередь перестает быть таковым или остается собственником отдельных помещений, например, нежилых — для осуществления деятельности кооператива, либо жилых, в случае если по тем или иным причинам эти помещения не были распределены между членами кооператива. С этого момента можно считать, что кооператив достиг своей главной цели — удовлетворение потребностей граждан в жилье. В связи с этим считаем, что методы регулирования управления МКД на данном этапе должны быть аналогичны тем, которые регулируют управление МКД ТСЖ либо же сформулированы отдельно в разделе V ЖК РФ.

Хотелось бы акцентировать внимание на наиболее специфичном третьем этапе «жизни» кооператива, когда жилые помещения в МКД находятся в собственности не только у кооператива, но и у некоторых членов кооперати-

ва, а также, возможно, у бывших членов кооператива либо у иных собственников, не являющихся членами кооператива. При этом существует такая категория членов кооператива, которая не выплатила полностью пай, — пользователи помещений. Считаем, что в сложившейся ситуации правила управления МКД не могут быть идентичны правилам, применяемым на втором или четвертом этапе. П.В. Крашенинников отмечает, что «после выплаты паевых взносов всеми членами кооператива происходит качественное преобразование отношений, которые сложились между гражданами, проживающими в бывшем кооперативном доме»<sup>8</sup>. В итоге предлагается создание определенных правил управления МКД на третьем этапе, т.е. определить правовое регулирование отношений по управлению МКД кооперативом на стадии, в которой члены кооператива не полностью уплатили паевые взносы, а также после полной выплаты. Считаем, что такое правовое регулирование даст возможность создать более эффективную систему управления МКД кооперативом, которая в свою очередь будет учитывать специфику отношений собственности и пользования жилыми помещениями.

Такой подход к регулированию отношений в МКД кооператива имеет определенные аналогии. Так, ч. 2 ст. 129 ЖК РФ установлено, что на отношения собственности в МКД в жилищном кооперативе при условии полностью выплаченного паевого взноса хотя бы одним членом жилищного кооператива распространяется действие главы 6 Жилищного кодекса РФ, устанавливающей правовой режим общей собственности на общее имущество собственников помещений в МКД.

На третьем этапе правовое регулирование должно учитывать, что в кооперативе все еще идет процесс уплаты паевых взносов членами кооператива за жилые помещения, как и одновременно происходит процесс расчета кооператива с кредиторами. Следовательно, часть членов кооператива еще остается пользователями помещений. При таких условиях невозможно полностью оформить правоотношения по модели тех, которые существуют в ТСЖ и которые возможны на четвертом этапе деятельности кооператива. Нельзя забывать, что некоторые жилые помещения уже в собственности членов кооператива или, возможно, у лица, не являющегося его членом. Как видим, в этом случае требуется применение правил главы 6 ЖК РФ об общем имуществе собственников помещений, об общем собрании таких собственников и об управлении МКД.

Считаем, что регулирование правоотношений на третьем этапе должно представлять собой компромисс между кооперативными правами, интересами пользователей жилых помещений и правами собственников жилых помещений в управлении общим имуществом. Представляется, что должен сохраниться принцип управления кооперативом «один голос — один член кооператива». Это связано с тем, что пока не завершена деятельность по приобретению МКД и не выплачены полностью паевые взносы всеми членами кооператива, изменение соотношения голосов на общем собрании по сравнению с установленным при создании

<sup>8</sup> Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / под. ред. П.В. Крашенинникова. // СПС «КонсультантПлюс».

кооператива может повлечь нарушение прав членов, которые не выплатили полностью паевые взносы. Также это может стать для членов, не выплативших паевые взносы полностью, причиной, по которой невозможно будет приобрести право собственности на жилое помещение в МКД. По таким же причинам не может быть зафиксировано право собственников жилых помещений, которые не являются членами кооператива, входить в состав членов кооператива.

В заключение хотелось бы заметить, что на четвертом этапе «жизни» кооператива все жилые помещения МКД принадлежат собственникам, при этом на отношения собственности будет распространяться действие главы 6 ЖК РФ, а значит, на данном этапе порядок принятия решения по вопросам управления общим имуществом уже не будет соответствовать принципу «один голос – один член кооператива», а будет соответствовать пропорциональности количества голосов площади жилого помещения, принад-

лежащего собственнику в МКД. При этом уже не кооператив будет нести ответственность за надлежащее содержание общего имущества, а собственники жилых помещений, а следовательно, они будут обязаны соразмерно со своей долей участвовать в издержках по содержанию и сохранению общего имущества в МКД, иных платежах, включая расходы на капитальный ремонт. Такое участие обеспечивает сохранность как каждого конкретного помещения в МКД, так и самого МКД в целом.

Исходя из изложенного, считаем, что на четвертом этапе субъектный состав правоотношений по управлению МКД становится аналогичным составу субъектов при управлении МКД ТСЖ: члены товарищества, созданного домовладельцами, являются собственниками жилых помещений, а само товарищество по общему правилу не имеет помещений и занимается только управлением МКД. В связи с этим на рассматриваемом этапе представляется сомнительным участие кооператива в управлении МКД.

### Литература

1. Аплямов Р.Р. Жилищные (жилищно-строительные) кооперативы и товарищества собственников жилья: особенности правового регулирования и основные отличия // Жилищное право. 2007. № 2. С. 62–64.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации : постатейный комментарий / под редакцией П.В. Крашенинникова. Москва : Статут, 2012. 618 с.
3. Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации / В.В. Андропов [и др.] ; под редакцией П.В. Крашенинникова. Москва : Статут, 2005. 651 с.

DOI: 10.18572/1999-477X-2020-6-36-39

## К вопросу о правовых последствиях ненадлежащего использования жилого помещения

**Николюкин Станислав Вячеславович,**  
доцент кафедры гражданского права  
Российского государственного университета правосудия,  
кандидат юридических наук, доцент  
stanislav-fa@yandex.ru

В статье рассматривается смысловое содержание «пользования» и «использования» жилого помещения, раскрывается содержание ненадлежащего использования жилого помещения, а также его правовые последствия.

**Ключевые слова:** жилое помещение, пользование жилым помещением, ненадлежащее использование жилого помещения, выселение.

## On Legal Consequences of Undue Use of a Residential Premise

**Nikolyukin Stanislav V.**  
Associate Professor of the Department of Civil Law  
of the Russian State University of Justice  
PhD (Law), Associate Professor

The article examines the semantic content of the «use» and «use» of residential premises, reveals the content of improper use of residential premises, as well as its legal consequences.

**Keywords:** dwelling, use of dwelling, improper use of dwelling, eviction from dwelling.

В жилищном праве не требующим доказательства является правило о том, что жилое помещение должно ис-

пользоваться по назначению. Эта аксиома является одним из основных признаков жилого помещения, поскольку на-

значение жилого помещения, как объекта жилищных правоотношений, подчеркивает его специфический характер, заключающийся прежде всего в том, что жилое помещение, как «сложный объект», можно использовать только для проживания. Безусловно, это общая норма, регламентированная Жилищным кодексом Российской Федерации (далее – ЖК РФ). То есть существует общее правило использования жилого помещения, но имеются и законодательные исключения. К примеру, в жилом помещении возможно осуществлять профессиональную деятельность (например, адвокат вправе использовать жилое помещение под адвокатский кабинет, или аудитор – осуществлять индивидуальную аудиторскую деятельность и др.), предпринимательскую деятельность (например, репетиторство) и иные виды деятельности. Основное ограничение такого использования жилого помещения – ненарушение: а) прав и законных интересов граждан, прежде всего соседей, и б) требований, которым должно соответствовать жилое помещение.

Представляется, что ненадлежащее использование жилого помещения следует рассматривать комплексно и, прежде чем непосредственно проанализировать правовые последствия ненадлежащего использования жилого помещения, важно понять, существуют ли семантические различия между словами «использование» и «пользование» жилым помещением. Обратимся к толковым словарям.

Пользоваться – извлекать выгоду для себя из чего-либо; обладать чем-нибудь<sup>1</sup>; прибегать к помощи кого-нибудь, чего-нибудь для удовлетворения своих нужд и потребностей<sup>2</sup>.

Использовать – воспользоваться кем-нибудь, чем-нибудь, употребить, употреблять с пользой<sup>3</sup>.

Как представляется, «пользоваться» и «использовать» являются понятиями равнозначными, поскольку и в первом, и во втором случае суть одна и та же, а именно – извлечение из чего-либо, кого-либо определенной выгоды (пользы).

С точки зрения права, с одной стороны, «пользование» и «использование» являются равнозначными, а с другой стороны, они несут различную смысловую нагрузку. Интересной является позиция В.Ю. Еремеева, который предлагает разграничивать понятия «пользование» и «использование» и рассматривать пользование правомочием, относящимся к вещному праву, в частности к праву собственности, а использование – помимо вещного права и к обязательственному праву. Причем автор допускает применение «использования» и «пользования» как тождественных, но только в их взаимосвязи, где использование включает в себя в том числе и пользование<sup>4</sup>. Представляется, что «пользование» как правомочие целесообразно рассматривать в объективном смысле, т.е. как предоставленную возможность извлекать полезные свойства из чего-либо, а «использование» –

в субъективном смысле, когда уже субъект правоотношения непосредственно воздействует на вещь, извлекая из нее соответствующие полезные свойства.

Существуют ли отличия между «пользованием» и «использованием» жилого помещения? Важно понимать их содержание с точки зрения гражданского и жилищного законодательства. Как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ о некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении ЖК РФ), судам важно учитывать, что гражданское законодательство, в отличие от жилищного законодательства, регулирует отношения по владению, пользованию и распоряжению жилым помещением как объектом экономического оборота<sup>5</sup>.

Как известно, «пользование» является одним из правомочий собственника жилого помещения, а также членов его семьи. Также правом пользования обладают наниматели жилых помещений, предоставленных по договорам социального найма и найма жилого помещения, который достаточно часто называют «коммерческим наймом», а также члены их семьи, поднайматели и др. В принципе, «пользование» и «использование» в жилищном праве также рассматриваются как равнозначные.

Анализ ЖК РФ показывает, что в основном в его нормах в различных вариациях превалирует словосочетание «использование» жилого помещения, и лишь только в некоторых статьях – «пользование» (например, ст. 4, 12 ЖК РФ и др.). Между тем, если обратиться к названию ст. 17 ЖК РФ, то она содержит в себе как слово «использование», так и «пользование». При этом «использование» связано с предназначением жилого помещения, а «пользование» – непосредственно с проживанием.

Если рассматривать жилищное законодательство в целом, то в зависимости от контекста «пользование» и «использование» жилого помещения – это извлечение из жилого помещения его полезных свойств. Как отмечается в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, «правомочие пользования включает извлечение полезных свойств имущества с сохранением его целевого назначения»<sup>6</sup>. Несмотря на то, что в жилищном праве, как правило, не используется словосочетание «извлечение полезных свойств», тем не менее очевидно, что речь идет о «проживании».

Что же означает «проживание» в жилом помещении. «Проживать» в жилом помещении означает проводить время (либо большую часть времени) в помещении, предназначенном для этих целей. Между тем, если опять же обратиться к толковым словарям, различий между «проживать» и «пребывать» нет. Однако в жилищном праве «проживание» означает не только использование жилого помещения в своих личных (бытовых) целях и, безусловно, по назначению, но и предполагает «длительность» (имеется

<sup>1</sup> Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 548.

<sup>2</sup> Толковый словарь русского языка в 4 т. / сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин и др. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994. С. 554.

<sup>3</sup> Ожегов С.И. Указ. соч. С. 249.

<sup>4</sup> Еремеев В.Ю. Использование и пользование как составляющие вещных и обязательственных прав в отношении объектов недвижимого имущества военного учреждения // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 10.

<sup>5</sup> СПС «КонсультантПлюс».

<sup>6</sup> Утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 ноября 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс».

в виду промежутков времени), а пребывание предполагает краткосрочность. Пребывать можно в гостинице, отеле, санатории, доме отдыха и т.п. «Постоянность», а также «преимущество» проживания отражена в определении «места жительства», что регламентировано ст. 20 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)<sup>7</sup>. Между тем «постоянство» проживания в жилом помещении также можно рассматривать с точки зрения относительности. Например, если речь идет о жилых помещениях, относящихся к специализированному жилищному фонду. Так, наниматель служебного жилого помещения будет проживать только определенное время, а именно — в течение срока исполнения служебных обязанностей, либо обучающийся в высшем учебном заведении будет проживать в общежитии только в течение обучения и т.д.

Возвращаясь к вопросу «использования» жилого помещения, целесообразно подчеркнуть, что такое «использование» может быть как надлежащим, т.е. соответствующим законодательству, не нарушающим прав и законных интересов граждан, в том числе соседей, так и ненадлежащим.

Под «ненадлежащим использованием» жилого помещения следует понимать систематически нарушающие нормы жилищного законодательства бесхозяйственные действия участников жилищных правоотношений по эксплуатации жилого помещения. В данном случае речь не идет о неисполнении либо ненадлежащем исполнении принятых на себя обязательств собственником либо нанимателем жилого помещения, например, по уплате за жилое помещение, либо по неоплате коммунальных ресурсов (коммунальных услуг) и т.п. Имеются в виду ненадлежащие действия собственником в жилом помещении, например, самовольная перепланировка или переустройство жилого помещения, разрушение инженерных сетей, сбор и складирование мусора в жилом помещении, содержание большого количества животных (например, собак, кошек и др.), использование жилого помещения для оказания гостиничных услуг и др., что нарушает санитарно-гигиенические, технические правила и нормы, требования пожарной безопасности и т.п. Так, в одном из решений по иску собственника жилого помещения к другим собственникам о наложении на последних обязанности по обеспечению доступа в жилое помещение для приведения его в надлежащее состояние на ответчиков возложена обязанность обеспечить доступ в жилое помещение для приведения его в надлежащее состояние в соответствии с санитарно-гигиеническими и жилищными нормами<sup>8</sup>.

Кроме того, в судебной практике достаточно распространены являются случаи, когда истцы предъявляют иски о запрете содержания домашних животных, а также об обязанности ответчиков привести жилое помещение в надлежащее состояние. Представляется интересным решение Хорошевского районного суда города Москвы от 13 апреля 2016 г. (дело № 2-1424/16) по иску Широковой Г.М. к Ястребовой И.В. о запрете содержания

домашних животных в жилом помещении, обязанности привести жилое помещение в соответствие с санитарными нормами и правилами. Суд отказал в удовлетворении требования о запрете Ястребовой И.В. содержать животных, однако удовлетворил требование об обязанности ее при содержании животных соблюдать санитарно-гигиенические, ветеринарно-санитарные правила и нормы общежития, а также об обязанности Ястребовой И.В. привести жилое помещение в надлежащее состояние, а именно — произвести дезинфекцию и дезинсекцию<sup>9</sup>.

Согласно ЖК РФ, как на собственника жилого помещения, так и нанимателя жилого помещения, а также совместно проживающих с ними членов семьи, в целях недопущения бесхозяйственного обращения с ним возлагается обязанность поддержания жилого помещения в надлежащем состоянии. К примеру, если обратиться к Типовому договору социального найма жилого помещения<sup>10</sup>, к числу обязанностей нанимателя относится соблюдение правил пользования жилым помещением, использование его по назначению, поддержание в надлежащем состоянии, содержание в чистоте и порядке и т.п.

В случае, если вышеуказанными лицами жилое помещение используется ненадлежащим образом, это влечет неблагоприятные правовые последствия. Речь идет о выселении из жилого помещения как крайней мере.

Выселение за ненадлежащее использование жилого помещения представляет собой специальную комплексную меру государственно-принудительного воздействия на участников жилищных правоотношений, нарушающих режим использования жилого помещения, с целью его освобождения и привлечения виновных лиц к ответственности. Предлагаемое определение позволяет выделить признаки такого выселения:

- 1) выселение является мерой ответственности, связанной с государственным принуждением за нарушение норм жилищного законодательства;
- 2) нарушение режима пользования жилым помещением означает использование жилого помещения не по назначению и непринятие мер по устранению выявленных нарушений;
- 3) нарушение режима пользования жилым помещением затрагивает как публичные, так и частные интересы, в связи с чем с требованием о выселении могут обратиться как органы государственной власти либо органы местного самоуправления, так и граждане;
- 4) выселение позволяет устранить дальнейшие негативные последствия, связанные с нарушением режима пользования жилым помещением;
- 5) комплексный характер выселения связан прежде всего с тем, что такое выселение может быть добровольным, т.е. когда решение суда, вступившее в законную силу, исполняется ответчиком добровольно, а также принудительным,

<sup>7</sup> Николюкин С.В. К вопросу о «терминологической разногласии в понятиях «жилище», «жилье» и «жилое помещение» // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 40.

<sup>8</sup> Решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 14 апреля 2016 г. по делу № 2-3193/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bL3rp516J4R/> (дата обращения: 21.10.2020).

<sup>9</sup> URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/norostrenskij/services/cases/civil/details/36b397c9-4018-4a8a-8a13-ec8b6159963b> (дата обращения: 20.10.2020).

<sup>10</sup> Постановление Правительства Российской Федерации от 21 мая 2005 г. № 315 «Об утверждении типового договора социального найма жилого помещения» // СПС «КонсультантПлюс».

когда освобождение жилого помещения от занимаемых лиц осуществляется судебными приставами-исполнителями.

Между тем следует отметить, что суд вправе не сразу применить данную меру, имеется в виду выселение. На практике встречаются случаи, когда суд может лишь предупредить о выселении. Такое предупреждение содержится в решении Ленинского районного суда города Томска от 11 февраля 2020 г. (дело № 2-170/2020) по иску городской администрации к собственнику жилого помещения о понуждении к приведению жилого помещения в надлежащее санитарно-техническое состояние, предупреждении о выселении и продаже жилого помещения с публичных торгов в случае неисполнения решения суда. Как было установлено, квартира ответчика находилась в антисанитарном состоянии и была захламлена бытовым мусором. Кроме того, ответчик ненадлежащим образом использовал сантехнические приборы. В результате рассмотрения дела суд удовлетворил иск в полном объеме<sup>11</sup>.

Важно подчеркнуть, что ЖК РФ предусмотрена процедура выселения из жилого помещения для нанимателей и членов их семьи. Так, в случае, когда жилое помещение, предоставленное по договору социального найма, используется ненадлежащим образом, наймодатель в одностороннем порядке вправе расторгнуть договор, вследствие которого наниматель подлежит выселению. Что же касается выселения собственников жилых помещений, то жилищным законодательством, как и гражданским законодательством, такая процедура не предусмотрена. То есть можно сделать вывод о том, что выселение является жилищно-правовой мерой ответственности, а лишение права собственности — мерой гражданско-правовой ответственности.

Целесообразно обратить внимание на п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ о некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении ЖК РФ, где отмечается, что лишение права собственности на жилое помещение в порядке ст. 293 ГК РФ, по сути, является мерой гражданско-правовой ответственности, которая применяется к собственнику жилого помещения при нарушении установленных законом пределов осуществления права собственности на жилое помещение. Действительно, если обратиться к нормам ст. 293 ГК РФ, в случае использования жилого помещения собственником не по назначению и если меры административного характера оказываются безрезультатными, его жилое помещение может

быть продано с публичных торгов с выплатой собственнику вырученных от продажи денежных средств. Безусловно, речь идет о прекращении права собственности на такое жилое помещение. Так, решением Ленинского районного суда г. Омска от 26 февраля 2020 г. (дело № 2-423/2020) по иску администрации города Омска к физическим лицам о признании квартиры бесхозяйственно содержащимся помещением, прекращении права собственности и продаже квартиры с публичных торгов право собственности на жилое помещение было прекращено, а жилое помещение продано с публичных торгов<sup>12</sup>.

Важно отметить, что по смыслу содержания ст. 293 ГК РФ при разрешении вопроса о прекращении права собственности на жилое помещение и продаже его с публичных торгов суды, как правило, выясняют, во-первых, допускают ли собственники в том числе использование его не по назначению, систематическое нарушение прав и интересов соседей; во-вторых, предупреждал ли орган местного самоуправления собственников о необходимости устранения нарушений; в-третьих, привлекались ли собственники жилого помещения к административной ответственности, например, за нарушение санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых помещений (ст. 6.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), за нарушение правил пользования жилыми помещениями (ст. 7.21 КоАП РФ), за нарушение правил содержания и ремонта жилых домов и (или) жилых помещений (ст. 7.22 КоАП РФ) и др.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Во-первых, «пользование» и «использование» жилого помещения, как правило, рассматриваются как равнозначные, однако применительно к жилищным правоотношениям, «использование» связано с предназначением жилого помещения, а «пользование» — непосредственно с проживанием. Во-вторых, под «ненадлежащим использованием» жилого помещения целесообразно понимать систематические бесхозяйственные действия участников жилищных правоотношений, нарушающие нормы жилищного законодательства по использованию жилого помещения. В-третьих, комплексной мерой государственного принуждения за «ненадлежащее использование» жилого помещения является выселение без предоставления иного жилого помещения.

<sup>11</sup> URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BwvL7dChczVW/> (дата обращения: 21.10.2020).

<sup>12</sup> URL: <https://sudact.ru/regular/doc/z0cbdyBgmAbR/> (дата обращения: 21.10.2020).

#### Литература

1. Еремеев В.Ю. Использование и пользование как составляющие вещных и обязательственных прав в отношении объектов недвижимого имущества военного учреждения / В.Ю. Еремеев // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2017. № 10 (243). С. 41–47.
2. Николюкин С.В. К вопросу о «терминологической разногласии в понятиях «жилище», «жилье» и «жилое помещение» / С.В. Николюкин // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 38–42.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка : около 53 000 слов / С.И. Ожегов. 8-е изд., стер. Москва : Советская энциклопедия, 1970. 900 с.
4. Толковый словарь русского языка. В 4 томах / составители В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин [и др.]; под редакцией Д.Н. Ушакова. Москва : Русские словари, 1994.

## Заявление и согласие как односторонние сделки в жилищном праве

**Семенова Екатерина Викторовна,**  
**аспирант Иркутского института (филиала)**  
**Всероссийского государственного университета юстиции**  
**(ВГУЮ (РПА Минюста России))**  
 cheremsev@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности различного рода заявлений и согласий в жилищном праве, которые могут быть отнесены к односторонним сделкам. Оценена судебная практика, складывающаяся по вопросу о квалификации заявлений и согласий. Произведено видовое деление сделок-заявлений и сделок-согласий с учетом классификации, предложенной Б.Б. Черепакхиным (разделение односторонних сделок на односторонне-обязывающие и односторонне-управомочивающие сделки). Отмечено, что особенностью рассматриваемых односторонних волеизъявлений является то, что они исходят или направлены на органы публичной власти, что затрудняет их квалификацию в качестве гражданско-правовых юридических фактов. Акцентируется внимание на том, что не всем заявлениям и сделкам в жилищном праве присуща гражданско-правовая природа, а значит, не все они могут быть квалифицированы как односторонние сделки.

**Ключевые слова:** односторонние сделки, административный договор, заявления, согласие, односторонне-обязывающие и односторонне-управомочивающие сделки.

## Application and Consent as Unilateral Transactions in the Housing Law

**Semenova Ekaterina V.**  
**Postgraduate Student of the Irkutsk Institute (Branch)**  
**of the All-Russian State University of Justice**  
**(RLA of the Ministry of Justice of Russia)**

The article discusses the features of various kinds of statements and consents in housing law, which can be attributed to unilateral transactions. An assessment of judicial practice is made, which develops on the issue of qualification of applications and consents. Species division of transactions-statements and transactions-consents was made taking into account the classification proposed by B.B. Cherepakhin (the division of unilateral transactions into unilaterally binding and unilaterally enabling transactions). It is noted that a feature of the unilateral transactions under consideration is that they come or are directed to public authorities, which makes it difficult to qualify them as civil law facts, however, certain signs can be highlighted that allow this. But at the same time, attention is focused on the fact that not all applications and transactions in housing law have a civil law nature, which means that not all can be qualified as unilateral transactions.

**Keywords:** unilateral transactions, administrative contract, statements, consent, unilaterally binding and unilaterally enabling transactions.

Односторонней сделкой в российском праве в соответствии с ч. 2 ст. 154 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) признается сделка, для совершения которой необходимо и достаточно выражения воли одной стороны<sup>1</sup>. Такое законодательно закрепленное определение нельзя признать четким и конкретным, поэтому в цивилистической науке до сих пор идут споры о том, какие явления реальной действительности подпадают под указанную дефиницию. Следует обратить внимание, что споры в основном ведутся в рамках гражданского права,

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. Федерального закона от 16.12.2019 № 430-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

лишь некоторые исследователи посвящают работы исследованию односторонних сделок в иных отраслях, таких, например, как семейное<sup>2</sup> и предпринимательское право<sup>3</sup>. Что же касается исследования данного вопроса в рамках сферы жилищного права, то можно констатировать, что обращение к данным вопросам является незначительным. Представляется, что это можно объяснить тем, что весомый пласт отношений, которые регулируются Жилищным кодекс-

<sup>2</sup> Косенко Е.В. Односторонние сделки и конклюдентные действия в семейных правоотношениях // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 2 (25). С. 133–136.

<sup>3</sup> Орлов Д.Н. Правовое регулирование односторонних сделок в предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 204 с.

сом Российской Федерации (далее – ЖК РФ), связан с административными решениями соответствующих органов власти. Вероятно, поэтому исследователи не обращаются к жилищному праву для определения круга явлений, которые могут относиться к односторонним сделкам, ведь сделка – это явление, носящее гражданско-правовой характер<sup>4</sup>.

Поэтому, приступая к исследованию односторонних сделок в жилищном праве, необходимо отметить, что, несмотря на то, что субъектом во многих правоотношениях выступает административный орган государственной власти или орган местного самоуправления, однако многие из их действий могут быть квалифицированы как односторонняя сделка, ведь в соответствии со ст. 124 ГК РФ, вступая в отношения, регулируемые гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений, публично-правовые образования являются субъектами гражданско-правовых отношений<sup>5</sup>.

Обратимся к анализу правовой природы различного рода заявлений, порядок подачи и рассмотрения которых регулирует ЖК РФ. В качестве примера организующей односторонней сделки в жилищном праве Е.Б. Подузова называет заявления граждан о постановке на учет (ч. 3 ст. 52 ЖК РФ). По своей юридической природе заявление гражданина – это односторонняя сделка, если рассматривать организационное правоотношение по предоставлению жилья в качестве гражданско-правового<sup>6</sup>. С этой же точки зрения к односторонним сделкам можно отнести такие заявления, как: заявление прежнего собственника жилого помещения о сохранении за ним права пользования жилым помещением в случае изъятия земельного участка, на котором расположено такое жилое помещение или расположен многоквартирный дом, для государственных или муниципальных нужд (ч. 6 ст. 32 ЖК РФ), заявление о снятии с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях (п. 1 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ), заявление о предоставлении освобожденных жилых помещений в коммунальной квартире (ч. 1, 2 ст. 59 ЖК РФ).

Учитывая то, что на основании ст. 110 ЖК РФ жилищным или жилищно-строительным кооперативом признается добровольное объединение граждан и юридических лиц на основе членства в целях удовлетворения потребностей

граждан в жилье<sup>7</sup>, а также управления многоквартирным домом, заявления о приеме в члены жилищного кооператива (ст. 121 ЖК РФ) также являются односторонними сделками<sup>8</sup>.

Однако не все заявления, которые имеют право подавать субъекты жилищных правоотношений, могут быть признаны односторонними сделками в гражданско-правовом плане. Так, к примеру, заявление о фактах нарушения требований правил предоставления, приостановки и ограничения предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домах и о фактах иных нарушений, которые являются основаниями для проведения внеплановой проверки органами, осуществляющими государственный жилищный надзор и муниципальный контроль (ч. 4.2 ст. 20 ЖК РФ), заявление о фактах нарушения в деятельности жилищно-строительного кооператива в контролирующей орган (п. 2 ч. 6 ст. 123.2 ЖК РФ) и т.д. Указанные заявления носят административный характер, а не гражданско-правовой, так как запускают механизм работы государственных органов в целях выполнения последними своих властных контрольно-надзорных функций, которые имеют именно административный, властный характер. Кроме этого, такие заявления, как заявление о переводе жилого помещения в нежилое помещение или нежилого помещения в жилое (п. 1 ч. 2 ст. 23 ЖК РФ), заявление о переустройстве и (или) перепланировке помещения в многоквартирном доме (п. 1 ч. 2 ст. 26 ЖК РФ), также нельзя отнести к односторонним сделкам, по причине того, что в данном случае не затрагиваются гражданско-правовые отношения, несмотря на то, что в последующем полученное согласие приведет к смене статуса объекта жилищных правоотношений, не придает таким отношениям между субъектами признака гражданско-правовых, а значит, нет оснований признать действия по подаче таких заявлений односторонней сделкой, так как в данном случае орган, давая согласие или отказывая в совершении действий, о которых запрашивает заинтересованное лицо, совершает публично-правовые функции, ведь речь идет о технической безопасности, определенных строительных нормах и правилах, нарушение которых может произойти. Как обращает внимание С.И. Сулова, соглашаясь с утверждением В.А. Белова, «носитель публичного требования предъявляет его потому, что необходимо должен такое предъявить», а не как в частноправовых отношениях, где обладатель права имеет к этому возможность, которую, естественно, вправе и не реализовывать»<sup>9</sup>.

<sup>4</sup> Так, к примеру, при определении правовой природы договора социального найма жилого помещения исследователи относят его к одному из видов административных договоров. С данной точкой зрения вряд ли стоит согласиться. Полагаем, что договор социального найма все же носит гражданско-правовой характер, а не административный на том основании, что он закреплен в ГК РФ, как и договор коммерческого найма жилого помещения. Кроме этого указаны положения ГК РФ (ч. 1 и 2 ст. 678, п. 3 ст. 681 и ст. 686 ГК РФ), которые применяются к обоим видам договоров, а также иные положения кодекса, если иное не предусмотрено жилищным законодательством, поэтому, несмотря на то, что договор социального найма имеет свою специфику в сравнении с договором коммерческого найма, это не лишает его гражданско-правовой природы.

<sup>5</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ ((в ред. Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>6</sup> Подузова Е.Б. Односторонние организующие сделки (сделки по организации отношений сторон): проблемы определения и толкования в контексте коллективного использования товаров и услуг (sharingeconomy) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3 (100). С. 88–98.

<sup>7</sup> Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. Федерального закона от 06.02.2020 № 13-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>8</sup> Такой вывод можно сделать на основании п. 13 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 10 декабря 2013 г. № 162, согласно которому судебная практика признает заявления участника общества с ограниченной ответственностью о выходе из состава участников общества односторонней сделкой, а так как «заявление о приеме» и «заявление о выходе» имеют схожую правовую природу, то можно сделать вывод о том, что оба их можно отнести к односторонним сделкам.

<sup>9</sup> Сулова С.И. Административно-правовое обеспечение субъективных публичных прав граждан в жилищной сфере // Административное и муниципальное право. 2010. № 12. С. 16.

Помимо заявлений, ЖК РФ устанавливает необходимость при совершении каких-либо действий получения предварительного согласия от иных лиц. Для начала следует обратить внимание на выдвинутые суждения С.И. Суловой, которая говорит о том, что в жилищном праве «выраженное вольно согласие лица является односторонней сделкой, в отношении которой применяются все положения общей части ГК РФ о сделках»<sup>10</sup>. Получение предварительного согласия на совершение разного рода действий в жилищном праве имеет большое значение, так как затрагивает интересы других лиц, к примеру, на право проживания в конкретном жилом помещении, либо связано с технической безопасностью дальнейшей эксплуатации объектов жилищных правоотношений, и т.д. Основными примерами необходимых видов согласия, установленных ЖК РФ, являются: согласие собственника на предоставление возмещения за часть жилого помещения в случае изъятия жилого помещения в связи с изъятием земельного участка, на котором расположено такое жилое помещение (ч. 1 ст. 32 ЖК РФ), согласие всех собственников помещений многоквартирного дома на уменьшение размера общего имущества в данном доме путем его реконструкции (ч. 3 ст. 36 ЖК РФ), согласие всех собственников комнат в коммунальной квартире на изменение размера общего имущества в данной квартире (ч. 2 ст. 41 ЖК РФ), согласие лиц разного пола, за исключением супругов, на заселение одной комнаты при предоставлении жилых помещений по договорам социального найма (ч. 1 ст. 58 ЖК РФ), согласие членов семьи собственника на вселение в занимаемое им жилое помещение по договору социального найма иных лиц (ч. 1 ст. 70 ЖК РФ)<sup>11</sup> и т.д.

Однако, как и применительно к заявлениям, не все виды согласия можно отнести к односторонним сделкам. К примеру, к таковым нельзя отнести согласие органа местного самоуправления на переустройство и (или) перепланировку помещения в многоквартирном доме (ч. 1

ст. 26 ЖК РФ), так как оно является административным актом органа, как носителя публичной власти, к таким актам неприменимы нормы о сделках.

Рассматривая вопрос о согласии различных органов в сфере жилищных правоотношений, необходимо отметить, что некоторые из них носят гражданско-правовой характер и их можно отнести к односторонним сделкам. К примеру, согласие наймодателя на вселение в занимаемое им жилое помещение по договору социального найма иных лиц (ч. 1 ст. 70 ЖК РФ), согласие наймодателя на обмен жилыми помещениями между нанимателями данных помещений по договорам социального найма (ч. 1 ст. 74 ЖК РФ), согласие наймодателя о передаче части занимаемого жилого помещения в поднаем (ч. 1 ст. 76 ЖК РФ), согласие наймодателя о передаче в поднаем жилого помещения, находящегося в коммунальной квартире (ч. 2 ст. 76 ЖК РФ). Приведенные примеры можно отнести к односторонним сделкам, так как в данном случае, несмотря на то, что согласие исходит от административного органа, оно дается в рамках гражданско-правовых отношений, т.е. отношений по поводу существующего договора между соответствующим органом и физическим лицом.

Установив возможность отнесения определенных заявлений и согласий в жилищном праве к односторонним сделкам, обратимся к вопросу их классификационного деления. В работе многих авторов отмечается выделение таких видов односторонних сделок, как односторонне-управомочивающие и односторонне-обязывающие. Односторонне-управомочивающая порождает возникновение у лиц, на которых была направлена сделка, определенных такой сделкой прав, а лица, которые их совершают, приобретают определенный перечень обязанностей. Односторонне-обязывающие создают в силу закона или соглашения обязанности для других лиц<sup>12</sup>.

Особенностями такого деления односторонних сделок является то, что в силу особого характера односторонне-обязывающих сделок, т.е. возможности одного лица воздействовать на другое в негативной форме, такая сделка возможна лишь при условии существования соответствующей нормы в законе, либо право на ее совершение установлено соглашением сторон, либо хотя бы имеется одностороннее согласие стороны, в чью пользу будет осуществлено такое негативное правовое воздействие. В отношении же односторонне-управомочивающих сделок, в силу их положительного воздействия на лицо, в отношении которого она совершается, такой особенности не установлено.

Такая классификация впервые была предложена Б.Б. Черепихиным. М.А. Егорова, рассматривая ее, указывает на то, что «Односторонне управомочивающие сделки порождаются «...волеизъявлением активного субъекта, а не пассивного». Под односторонне обязывающими юридическими сделками Б.Б. Черепихин понимал как случаи одностороннего обязывания (возложения обязанности), так и случаи одностороннего лишения права (например, случаи

<sup>10</sup> Сулова С.И. Категория «согласие» в жилищном праве // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1 (60). С. 49–53.

<sup>11</sup> Судебная практика по рассмотрению того или иного согласия от членов семьи собственника или нанимателя в качестве односторонней сделки является более ли менее встречающейся в сравнении с иными видами рассмотренных согласий и заявлений. Причиной этого, вероятно, является то, что такие сделки чаще других признаются недействительными, так как согласие в таких случаях является необходимым условием для дальнейших действий субъекта, который истребует такое согласие. Кроме этого, такое согласие дается физическим лицом, а значит, на него может быть оказано то или иное влияние, что является также основанием для признания такой сделки недействительной. Однако и по данному вопросу не все суды единодушно признают согласие односторонней сделкой. Причина этому может быть в том, что суды достаточно осторожно формулируют решения, создавая как можно меньше положений, не подтвержденных законодательством и наукой. Некоторые примеры судебной практики по данному вопросу: суд признал отказ члена семьи от приватизации жилья односторонней сделкой (Определение Санкт-Петербургского городского суда от 02.10.2012 № 33-13642 // СПС «КонсультантПлюс»); судебная коллегия не согласилась с тем, что дачу согласия на регистрацию нового лица в жилом помещении следует квалифицировать как одностороннюю сделку (Апелляционное определение Московского городского суда от 16.10.2013 по делу № 11-34441 // СПС «КонсультантПлюс»); суд признал односторонними сделками согласие на отчуждение занимаемого ими жилого помещения, отказ от права пользования спорной квартирой и обязательство до конкретной даты освободить занимаемое жилое помещение (Определение Ленинградского областного суда от 7 ноября 2012 г. № 33а-5050/2012 // СПС «КонсультантПлюс»).

<sup>12</sup> Рашитова А.Р., Гамирова Г.С. Особенности односторонних сделок // Векторы развития современной науки. 2015. № 1. С. 187.

одностороннего прекращения договорных отношений) или модификации чужого права (заявление о зачете и др.)»<sup>13</sup>.

Рассмотрев примеры заявлений и согласий, которые можно отнести к односторонним сделкам в жилищном праве, можно заметить, что обе эти группы сделок имеют свои особенности. Так, односторонние «сделки-заявления» подаются лицом в конкретный орган по поводу отношений гражданско-правового характера, обязывая тем самым орган власти совершить определенные действия со своей стороны для удовлетворения целей подачи такого заявления. Что же касается односторонних «сделок-согласий», то в данном случае субъекты, которые их совершают, наделяют другое лицо определенным объемом прав на совершение тех или иных действий, на которые было направлено согласие. Следовательно, исходя из характеристики видов односторонних сделок, которые были рассмотрены, можно сделать вывод о том, что в жилищном праве односторонние «сделки-заявления» можно отнести к односторонне-обязывающим сделкам, а односторонние «сделки-согласия» к односторонне-управомочивающим.

<sup>13</sup> Егорова М.А. Особенности одностороннего отказа от исполнения договора как односторонней сделки // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 8. С. 55–59.

Характерной чертой односторонних волеизъявлений (сделок-заявлений и сделок-согласий) в жилищном праве является то, что они исходят или направлены на органы публичной власти, что затрудняет их квалификацию в качестве юридических фактов гражданского права. Вместе с тем, существуют общие признаки, позволяющие настаивать на подобной квалификации. Такими признаками являются: отношения между субъектами основаны на равных началах; несмотря на то, что предметом является объект гражданского права, сделкой признаются лишь те действия, которые направлены на установление, изменение или прекращение гражданско-правовых отношений; сделки совершаются одним субъектом; к ним применяются общие положения ГК РФ об обязательствах и договорах, поскольку это не противоречит закону, одностороннему характеру и существу сделки.

Подводя итоги, можно сказать, что исследование проблематики односторонних волеизъявлений в жилищном праве, включая односторонние сделки, находится лишь на начальном этапе. Надеемся, что сформулированные в работе выводы позволят продолжить научную полемику в данном направлении.

## Литература

1. Егорова М.А. Особенности одностороннего отказа от исполнения договора как односторонней сделки / М.А. Егорова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 8. С. 55–59.
2. Косенко Е.В. Односторонние сделки и конклюдентные действия в семейных правоотношениях / Е.В. Косенко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 2 (25). С. 133–136.
3. Орлов Д.Н. Правовое регулирование односторонних сделок в предпринимательской деятельности : диссертация кандидата юридических наук / Д.Н. Орлов. Москва, 2010. 204 с.
4. Остапенко И.А. О правовой природе договора социального найма жилого помещения / И.А. Остапенко // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 55–59.
5. Подузова Е.Б. Односторонние организующие сделки (сделки по организации отношений сторон): проблемы определения и толкования в контексте коллективного использования товаров и услуг (sharingeconomy) / Е.Б. Подузова // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3 (100). С. 88–98.
6. Рашитова А.Р., Гамирова Г.С. Особенности односторонних сделок / А.Р. Рашитова, Г.С. Гамирова // Векторы развития современной науки. 2015. № 1. С. 186–189.
7. Суслова С.И. Административно-правовое обеспечение субъективных публичных прав граждан в жилищной сфере / С.И. Суслова // Административное и муниципальное право. 2010. № 12. С. 10–16.
8. Суслова С.И. Категория «согласие» в жилищном праве / С.И. Суслова // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1 (60). С. 49–53.

## Читайте в следующем выпуске

### СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

**Купцова О.В.** Семейно-правовой статус родителя: отдельные вопросы теории и практики

**Нижник Н.С., Бурданова Н.А.** Осуществление личных неимущественных родительских прав и обязанностей: судебная защита в Российской Федерации

**Мыскин А.В.** К вопросу о допустимости заключения супругами двух и более брачных договоров

**Побережный С.Г.** Практика реализации прав супругов в корпоративных правоотношениях

**Рыженков А.Я.** Принцип запрета дискриминации в семейном праве: вопросы теории и практики Савельева М.В. Разграничение ответственности супругов по общим обязательствам при разделе совместно нажитого имущества

**Ситкова О.Ю.** Правовая природа права ребенка на доступ к информации и его ограничения в целях защиты ребенка от информации, наносящей вред психическому здоровью и развитию несовершеннолетних

**Степанян А.С.** Некоторые проблемы применения мер защиты имущественных интересов одиноких матерей и отцов в связи с наступлением чрезвычайных ситуаций

**Холоденко Ю.В., Бердников С.С.** Изменение режима имущества супругов в процедурах банкротства

### ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

**Астапова Т.Ю.** Некоторые аспекты осуществления преимущественного права покупки доли в праве общей собственности на жилое помещение

**Басос Е.В.** Жилое помещение по договору социального найма: общая характеристика

**Внукова В.А., Шорников С.В.** К вопросу об ответственности за бесхозяйственное содержание жилого помещения

## Совершенствование терминологии жилищного законодательства в сфере правового регулирования деятельности по управлению многоквартирными домами

**Тарадонов Сергей Валерьевич,**  
доцент кафедры гражданского права и процесса  
Международного юридического института,  
доцент кафедры гражданского права, международного  
частного права и гражданского процесса  
Российского университета транспорта,  
кандидат юридических наук, доцент  
taradonov@mail.ru

**Иванов Игорь Олегович,**  
магистр Международного юридического института  
ashigaru1971@yandex.ru

В статье рассмотрены вопросы правового регулирования деятельности по управлению многоквартирными домами в Российской Федерации, имеющиеся недостатки жилищного законодательства в области терминологии, определяющей взаимодействие между объектами и субъектами жилищных правоотношений.

В статье обоснованы рекомендации и предложения по внесению в жилищное законодательство необходимых терминов и определений в сфере деятельности по управлению, обслуживанию и эксплуатации многоквартирных домов как объектов общего имущества собственников помещений.

**Ключевые слова:** термины и определения в жилищном законодательстве, Жилищный кодекс Российской Федерации, многоквартирные дома, деятельность по управлению многоквартирными домами, договор управления многоквартирным домом, общее имущество собственников помещений в многоквартирном доме, капитальный ремонт общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме.

### The Improvement of Housing Law Terminology in the Legal Regulation of Apartment Block Management Operations

**Taradonov Sergey V.**  
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure  
of the International Law Institute  
Associate Professor of the Department of Civil Law,  
Private International Law and Civil Procedure of the Russian University of Transport  
PhD (Law), Associate Professor

**Ivanov Igor O.**  
Graduate Student of the International Law Institute

The article deals with the issues of legal regulation of management of apartment buildings in the Russian Federation, the existing shortcomings of housing legislation in the field of terminology that defines the interaction between objects and subjects of housing relations. The article substantiates recommendations and suggestions for introducing the necessary terms and definitions into the housing legislation in the sphere of management, maintenance and operation of apartment buildings as objects of common property of owners of premises.

**Keywords:** terms and definitions in housing legislation, the Housing Code of the Russian Federation, apartment buildings, management of apartment buildings, management agreement for an apartment building, common property of owners of premises in an apartment building, capital repairs of common property of owners of premises in an apartment building.

В жилищном законодательстве Российской Федерации, определяющем и устанавливающим объекты жилищных прав и характер жилищных правоотношений в государстве, в настоящее время содержатся определенные недоработки, значительно осложняющие деятельность по управлению объектами жилой недвижимости.

Несовершенство жилищного законодательства особенно ярко выражено в отсутствии крайне необходимых основных определяющих терминов, устанавливающих правовой характер деятельности по управлению многочисленными объектами городской недвижимости – многоквартирными домами.

В Жилищном кодексе Российской Федерации странным образом отсутствуют определения этих наиболее массовых объектов жилой недвижимости в государстве и однозначные и корректные определения общего имущества собственников помещений в таких объектах.

Договорные отношения между всеми участниками деятельности по управлению многоквартирными домами, являющиеся основой процесса их содержания и эксплуатации, в Жилищном кодексе обозначены также без четкого и однозначного определения подобного рода деятельности, что также не способствует логичности и целостности правового поля в жилищной сфере.

В реальных условиях каждый из многоквартирных домов (МКД) постоянно находится под управленческим воздействием лица (лиц), управляющих им на протяжении всего периода своего физического существования от момента ввода в эксплуатацию до признания непригодным к проживанию и подлежащим сносу.

В современных научных исследованиях выделен средний период безаварийного функционирования отдельно взятого МКД, который составляет порядка тридцати календарных лет.

Также в современной науке выявлена прямая зависимость продолжительности эффективного функционирования МКД от особенностей управленческой деятельности, специфика которой определена характером нормативно-правового регулирования.

До 1990 г. многоквартирные дома в России являлись единым (неделимым) объектом недвижимости. Представителем собственника многоквартирного дома выступало государство или юридическое лицо, которое выстраивало свою систему управления. Такая система отличалась тем, что управление осуществлялось не конкретным многоквартирным домом, а подведомственным государству жилищным фондом в целом.

Период 90-х годов прошлого века применительно к деятельности по управлению многоквартирными домами остался в отечественной истории как наиболее сложное время отмирания устаревших форм и способов управления жилой недвижимостью и формирования новых, не всегда досконально продуманных и безупречных с точки зрения правовых отношений.

Все это определило массовое возникновение конфликтных ситуаций между собственниками помещений многоквартирного дома, управляющими и ресурсоснабжающими организациями, правлениями различных жилищных кооперативов.

Управление многоквартирным домом – это одна из составляющих управления социально-экономическими взаимоотношениями, складывающимися в процессе эксплуатации МКД, поставки коммунальных услуг, содержания и обслуживания МКД.

Основой законодательной базы управления МКД является Жилищный кодекс Российской Федерации (ЖК РФ), который устанавливает и закрепляет ряд основополагающих терминов, определяющих специфику содержания и эксплуатации всего имущества собственников помещений в многоквартирном доме.

Главной целью управления МКД является успешная его эксплуатация и поддержание в надлежащем состоянии – т.е. обеспечение нормируемого (планового) характера эксплуатации и содержания общего имущества такого дома.

Определенные сложности для правового регулирования деятельности по управлению МКД создает исторически сложившаяся специфика формирования системы управления многоквартирными домами как объектами недвижимости в жилищной сфере.

Механизм правового регулирования деятельности по управлению МКД в Российской Федерации можно представить в виде многоуровневой системы, субъекты и организационную структуру которой можно разделить на четыре уровня:

- федеральный;
- региональный;
- муниципальный (районный);
- уровень отдельного МКД.

На федеральном уровне разрабатываются и принимаются федеральные законы, издаются указы Президента, постановления Правительства РФ, которые формируют нормативно-правовую базу для управления многоквартирными домами в разрезе управления всем жилищно-коммунальным хозяйством страны. Высшую ступень системы правового регулирования управления содержанием и эксплуатацией общего имущества МКД устанавливают Гражданский, Налоговый, Жилищный, Земельный, Водный, Трудовой и другие кодексы Российской Федерации.

КоАП РФ содержит сведения о мерах пресечения, принимаемых по отношению к управляющим организациям (УО), недобросовестно исполняющим свои обязанности.

Федеральный надзор не является основным способом контроля УО, центральные государственные органы отвечают за формирование общих принципов ведения жилищного хозяйства и издают методические указания. На федеральном уровне работу управляющих компаний контролирует ряд организаций. Минстрой РФ определяет порядок утверждения нормативов коммунальных услуг, по-

рядок предоставления этих услуг и критерии их качества. Минстрой дает разъяснения по содержанию Постановления Правительства № 493 («О государственном жилищном надзоре»)<sup>1</sup> и по практической реализации его положений, техническая инвентаризация жилищного фонда, как механизм подтверждения сведений об объектах жилищного фонда, определяет периодичность проведения технического обследования помещений в зависимости от видов объектов жилищного фонда и с учетом категории риска или класса опасности для жизнедеятельности граждан при несоблюдении правил использования таких объектов.

Важнейшими субъектами второго уровня нормативного регулирования являются законы и подзаконные акты исполнительных органов власти субъектов РФ.

На третьем уровне находятся распорядительные документы местного самоуправления – органов муниципальной власти.

Все документы текущего характера управления МКД на низовом уровне формируются общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме<sup>2</sup>.

В качестве субъектов управления объектами жилой недвижимости положениями ЖК РФ определены участники жилищных правоотношений – граждане, юридические лица, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования<sup>3</sup>.

Объекты жилищных правоотношений (объекты жилищных прав) – жилые помещения, с указанием видов таких помещений в ст. 16 в ЖК РФ: комната; квартира (часть квартиры); жилой дом (часть жилого дома)<sup>4</sup>.

Но среди узаконенных положениями жилищного законодательства определений объектов жилищного права – видов жилых помещений – не имеется определения многоквартирного дома, поскольку упомянутый в ст. 16 ЖК РФ жилой дом по ряду характерных признаков не обязательно является многоквартирным.

Приемлемое определение МКД, удовлетворяющее положениям ЖК РФ, имеется в Постановлении Правительства Российской Федерации от 28 января 2006 г. № 47 – «многоквартирным домом признается совокупность двух и более квартир, имеющих самостоятельные выходы либо на земельный участок, прилегающий к жилому дому, либо в помещения общего пользования в таком доме. Многоквартирный дом содержит в себе элементы общего имущества собственников помещений в таком доме в соответствии с жилищным законодательством»<sup>5</sup>.

Поскольку постановление Правительства Российской Федерации является подзаконным актом и имеет более

низкую юридическую силу, чем федеральный закон, было бы логичным изменить существующий порядок вещей и закрепить соответствующее определение в Жилищном кодексе РФ.

Отсутствие в ЖК РФ определения объекта жилищных правоотношений в лице МКД недопустимо и в силу того, что целые разделы Жилищного кодекса посвящены вопросам управления многоквартирным домом и особенностям его эксплуатации и содержания.

Управление многоквартирным домом осуществляется управляющей организацией на основании заключенного собственниками помещений такого дома договора управления (ДУ) МКД.

К сожалению, корректного определения термина «управление многоквартирным домом» в ЖК РФ также не имеется, хотя это словосочетание неоднократно встречается в положениях Жилищного кодекса, дополняемое дефиницией «деятельность по управлению многоквартирным домом», использующейся также без конкретизации характера такой деятельности, исключительно в контексте озвучивания достижения результатов управления МКД – обеспечения безопасных и благоприятных условий проживания.

Таким образом, из основополагающих элементов договора управления многоквартирным домом определение «многоквартирный дом» в ЖК РФ отсутствует полностью, а определение «управление многоквартирным домом» дается опосредованно, только в виде описания результатов, которые необходимо обеспечивать, что однозначно указывает на имеющиеся недоработки современного жилищного законодательства.

«В большинстве норм ЖК РФ, посвященных вопросам управления многоквартирными домами, говорится об управлении многоквартирным домом. Однако, например, в части 1 статьи 135 ЖК РФ, определяющей понятие ТСЖ, – об управлении общим имуществом в многоквартирном доме (многоквартирных домах). В юридической литературе по этому вопросу также высказываются различные мнения. Одни авторы считают, что управление осуществляется в отношении имущества многоквартирного дома. Другие авторы говорят о том, что объектом управления многоквартирным домом выступает общее имущество домов»<sup>6</sup>.

Таким образом, при введении в оборот термина «управление многоквартирным домом» имеет смысл утверждать об управлении общим имуществом собственников (ОИ) помещений многоквартирного дома, поскольку характер целевого использования ОИ МКД исключительно общественный.

Соответственно, под деятельностью по управлению многоквартирным домом необходимо определить «деятельность по управлению общим имуществом собственников помещений в многоквартирном доме».

Данное определение будет логично в контексте Жилищного кодекса РФ, в котором уже имеется подобное определение одного из видов целевой деятельности по управлению МКД – «организации проведения капитального

<sup>1</sup> Постановление Правительства РФ от 11 июня 2013 г. № 493 (ред. от 13.09.2018) «О жилищном надзоре» (вместе с «Положением о государственном жилищном надзоре») // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 25.05.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ.

<sup>4</sup> Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ.

<sup>5</sup> Постановление Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 (ред. от 24.04.2020) «Об утверждении положения о признании помещения жилым помещением, непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>6</sup> Цахов А.Н. Об определении понятия «управление многоквартирными домами» // Бизнес в законе. 2012. № 2. С. 19–21.

ремонта общего имущества в многоквартирных домах»<sup>7</sup>, но, по традиции, без определения термина «капитальный ремонт многоквартирного дома».

В Федеральном законе № 185-ФЗ<sup>8</sup> капитальный ремонт МКД определяется как «проведение предусмотренных Законом № 185-ФЗ работ по устранению неисправностей изношенных конструктивных элементов общего имущества собственников помещений в МКД, в том числе по их восстановлению или замене в целях улучшения эксплуатационных характеристик общего имущества в МКД»<sup>9</sup>.

Таким образом, в использующихся определениях капитального ремонта зданий в качестве объектов ремонта выступают их конструктивные элементы и инженерное оборудование, которые могут относиться к ОИ МКД<sup>10</sup>.

В контексте подобных дефиниций логично внесение в Жилищный кодекс РФ определения капитального ремонта многоквартирного дома как «капитального ремонта общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме за счет средств указанных собственников».

С момента своего вступления в законодательную силу Жилищный кодекс РФ непрерывно дорабатывается и совершенствуется. Такое положение дел представляется вполне естественным, учитывая тот факт, что само понятие «частное жилое имущество» в общепринятом, мировом контексте используется на территории Российской Федерации относительно недавно, с момента ликвидации исключительно государственной монополии на жилищный фонд, характерной для эпохи СССР.

Возможно, что таким историческим фактором можно объяснить фактическое отсутствие в современной России эффективных собственников среди физических лиц как массовое явление, но необходимо признать и то, что совершенствующееся и, соответственно, непрерывно меня-

ющееся законодательство в жилищной сфере в настоящий момент имеет значительное количество недоработок и откровенных «слабых мест», сильно усложняющих процесс управления многоквартирными домами и имуществом собственников помещений в таких домах.

Подобные коллизии регулярно являются источниками дестабилизации всех видов деятельности по управлению многоквартирными домами, нарушения норм материального и процессуального права в жилищной сфере, значительно осложняющими процесс управления объектами жилой недвижимости и приводящими в итоге, как правило, к судебному разбирательству.

С организационной точки зрения для совершенствования правового регулирования деятельности по управлению многоквартирными домами необходимо:

- дополнить законодательство в жилищной сфере основными определяющими терминами, однозначно трактуемыми существующий и юридически закрепленный порядок взаимоотношений между всеми участниками процесса управления МКД;

- устранить имеющиеся в жилищном законодательстве неоднозначные и сомнительные формулировки норм жилищного права и особенности их трактовки;

- сформировать действенную правовую и организационную основу для управления и регулирования деятельности по управлению многоквартирными домами между всеми участниками правоотношений в жилищной сфере.

Также необходимо определить и юридически закрепить в законодательстве все функции управления, субъекты управления и специфику их взаимодействия при выполнении функций управления: сохранение существующего состояния общего имущества многоквартирного дома или улучшение его состояния, повышение энергетической эффективности дома, безопасности проживания либо повышение рыночной стоимости квартир, благоустройство придомовой территории.

По мнению авторов, под управлением многоквартирным домом в обязательном порядке необходимо рассматривать именно целенаправленную деятельность субъекта управления – лица или лиц, осуществляющих такую деятельность.

<sup>7</sup> Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ.

<sup>8</sup> Федеральный закон РФ от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ (ред. от 07.04.2020) «О Фонде содействию реформирования жилищно-коммунального хозяйства» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>9</sup> Иванов И.О. Вопросы теории и практики управления и капитального ремонта многоквартирных домов // Инновации и инвестиции. 2017. № 4. С. 127–132.

<sup>10</sup> Иванов И.О. Указ. соч.

**Литература**

1. Иванов И.О. Вопросы теории и практики управления и капитального ремонта многоквартирных домов / И.О. Иванов // Инновации и инвестиции. 2017. № 4. С. 127–132.
2. Цахоев А.Н. Об определении понятия «управление многоквартирными домами» / А.Н. Цахоев // Бизнес в законе. 2012. № 2. С. 19–21.

**Уважаемые авторы!**

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

## ПРАВИЛА

### оформления статей и иных материалов, направляемых для опубликования в журналах Издательской группы «Юрист»

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1,5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски постраничные, обозначенные арабскими цифрами, оформленные в соответствии с действующим ГОСТом). Объем материала не должен превышать 10 страниц. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Договор о предоставлении автором интеллектуальных прав на статью заключается в порядке, приведенном в разделе «Редакционная политика ИГ «Юрист»» по адресу: <http://lawinfo.ru/for-authors/policy/>.

4. Статья должна содержать:

а) фамилию, имя и отчество полностью, должность, место работы (без сокращений), ученую степень, ученое звание на русском и английском языках;

б) название статьи с переводом на английский язык;

в) аннотацию на русском и английском языках;

г) ключевые слова из текста статьи;

д) служебный адрес либо адрес электронной почты (эта информация будет опубликована в журнале);

е) контактный телефон (для редакции);

ж) точный почтовый адрес с индексом.

Кроме того, в конце статьи автор помещает пристатейный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Данные, предоставляемые в редакцию в соответствии с пунктом 4, будут размещены в РИНЦ.

Настоятельно рекомендуем авторам ознакомиться с опубликованными статьями по аналогичной тематике и привести не менее двух ссылок на журналы, входящие в состав объединенной редакции ИГ «Юрист».

5. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, обладать новизной, содержать задачу и описывать результаты исследования, соответствовать действующему законодательству и иметь вывод.

6. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации.

7. При направлении статьи в редакцию аспирантам и соискателям необходимо приложить рецензию научного руководителя или рекомендацию кафедры, заверенную печатью учреждения.

Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

**При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,  
можно обращаться в редакцию по телефону:  
(495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru  
Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.**